

## О НАС – ЛЕВИНЫХ

### Мои воспоминания

Ефим Левин

Я очень долго собирался написать воспоминания об известных мне фактах из жизни нашей семьи Левиных, история которой начиналась на белорусской земле, в городе Жлобине, на Днепре в 19 веке.

Сегодня 22 июня 2014 года. В этот день 73 года назад началась Вторая мировая война, которая в нашей стране называется Великая Отечественная. Я хорошо помню этот день. Это было воскресенье. В школе уже начались каникулы. Рано утром по радио сообщили о внезапном нападении фашистской Германии на Советский Союз. В 12 часов дня по радио с официальным сообщением-речью выступил председатель Совнаркома (Совета народных комиссаров – правительства СССР) Вячеслав Михайлович Молотов. Он рассказал, что сегодня, 22 июня 1941 года в 4 часа утра немецкие самолеты сбросили бомбы на некоторые города Советского Союза и без объявления войны вступили на территорию страны. Началась эта страшная война. В заключении своей речи В.М. Молотов сказал: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» После сообщения по радио простые люди – наши соседи, знакомые собрались в центре города возле Клуба Кустарей (бывшей синагоги) для обсуждения этого важного сообщения.

Статус города Жлобин получил в 1925 году. До этих пор он считался местечком (еврейским поселением). Наш город являлся районным центром Гомельской области Белоруссии. Город расположен на равнине Гомельское Полесье, имеет пристань на реке Днепр. Город находится на расстоянии 93 км от Гомеля и 215 км от Минска. Это крупный железнодорожный узел Белорусской железной дороги.

Население города имело численность:

- 1909 г. – 4 тыс. человек
- 1939 г. – 19 тыс. человек
- 1956 г. – 22 тыс. человек
- 2001 г. – 71 тыс. человек
- 2015 г. – 78 тыс. человек

В настоящее время в Жлобине около 80 тыс. жителей.

Национальный состав:

- Белорусы – 79,8%
- Русские – 15,1%
- Украинцы – 2,8%
- Цыгане – 2,1%
- Поляки – 0,3%
- Прочие – 1%

Евреи входят в число «прочих», их очень мало, единицы. А до войны больше половины населения было еврейским. Письменное историческое упоминание о Жлобине встречается и относится к XVI веку. Железная дорога в этих местах была построена в 1873 г. (она называлась Либаво-Роменская железная дорога).

Продолжаю свою повесть спустя почти полгода. Сегодня уже 27 декабря 2014 г. Зима! В настоящее время я с семьей нахожусь в городе Висбаден (Weisbaden), в Германии. Мы здесь живем с 1995 г. В будущем году исполнится 20 лет нашего здесь пребывания. А мне должно исполниться аж 88 лет (в 2015 году).

Мои родители и их предки все родились в Белоруссии, в городе (местечке) Жлобин, на Днепре. К этим запискам я приложу нашу родословную, составленную моим двоюродным братом Ефимом Левиным, моим тезкой, он моложе меня на 5 лет, но его уже нет в живых. К сожалению, никаких документальных данных о наших предках не сохранилось. Нет ни единой фотокарточки. У папы была фотокарточка мамы, вырезанная из ее паспорта, но он ее давным-давно утратил. До войны у нас дома были какие-то фотокарточки, но они сгорели вместе с домом в 1941 году.

Итак, о нашей семье. По линии мужской – мой дед (папин отец) – Левин Хаим-Шмол Менделевич, он родился и умер в Жлобине. Остались воспоминания, что он был из зажиточной (довольно богатой) семьи. Его семья имела отношение к сплаву леса по Днепру. Деда я не знал. Он умер до революции (1917 г.). Могилы его и всех других наших предков не сохранились, т.к. после войны кладбище уничтожили, застроив его многоэтажными домами. Жена деда – моя бабушка с девичьей фамилией Этуш Мэра Хлавне-Носоновна по моим расчетам родилась примерно в 1865-1870 годах, тоже в Жлобине. Бабушку я помню с довоенных времен. Помню, как она восседала в торце огромного стола в столовой своего дома и принимала пищу. В обед перед ней стоял маленький чугунок с жаркое (тушеная картошка с мясом). Я помню, что в своем детстве я постоянно хотел есть. И также я помню, что бабушка меня никогда не угощала и не подносила подарков. Так же было со всеми другими внуками. В похоронах бабушки я участвовал. Она умерла во время войны, в эвакуации, в апреле (или марте) 1943 года. Где это было расскажу ниже. У деда с бабушкой был большой деревянный дом с большим участком земли – огородом. Находился дом очень близко от Днепра, на улице Леккерта (еврейский революционер Леккерт был казнен в молодом возрасте). Дед с бабушкой родили 6 детей – 4 сыновей и 2 дочек. Назову их по старшинству: старший – Бенцион, как и все последующие родился в Жлобине. Профессии его я не знаю. Помню, что много лет до войны он жил с женой Хамчей в гор. Енакиево на Донбассе. И было у них 3 сына: Роман, Семья и Исаак. Роман жил с семьей в Чечне, гор. Грозном. Имел Рома большую семью (см. родословную). Он умер в Грозном в 80-х годах. Судьба его семьи неизвестна, т.к. в Чечне произошли две войны. И что с ними стало – неизвестно. Рома был художник-любитель. В доме бабушки был его автопортрет. Другой сын Бенциона – Исаак, инженер по образованию, в 1941 году ушел на фронт и погиб. Судьба его неизвестна. Третий сын – Семён, участник войны с самого её начала и до конца. С женой Ниной жил в Ленинграде на Подольской улице. Детей у них не было. Семья работал

заместителем директора кондитерской фабрики на Лиговском проспекте в Ленинграде. Мы с ними часто общались и дружили. Сёма и Нина умерли в 80-х годах.

Перед войной Бенцион развелся со своей женой Хамчей и переехал в Сталинград. Там он женился на русской женщине. Когда наша семья во время войны в эвакуации оказалась в Сталинграде, у дяди Бенциона в гостеприимстве нам было отказано, также и в оказании какой-либо другой помощи.

Следующей у деда с бабушкой родилась моя тётя Ревекка. Её взрослая жизнь в довоенное и послевоенное время прошла в Киеве. Она там была замужем за Давидом Палеем. У них было трое детей – сын Ефим и дочери Вера и Соня. Сын Ефим погиб в 1941 году под Ленинградом. Он служил моряком. Соня стала учительницей начальных классов. У нее с мужем Сергеем Угорцем родились две девочки – Мэра – в 1947 г. и Рина – в 1957 г. Соня умерла в 1985 г., ей был 61 год. Дочки тоже умерли (см. родословную). Дочь Ревекки Вера в 1940 году в Киеве вышла замуж за Гришу Шомштейна, который в 1941 году ушел на фронт и погиб. У Веры за несколько дней до начала войны родился сын Яник, который пострадал от Чернобыльской катастрофы, и умер в возрасте 50 лет в Америке. В Питсбурге (США) живут его дети – мальчик и девочка, а также его жена Мила. К сожалению, я не смог установить с семьей Яника и Милы каких-либо связей.

Следующим у деда с бабушкой родился сын Яков. Я не знаю его возраста, профессии. Помню, что он тоже до войны жил и работал в гор. Енакиеве на Донбассе. Дядя Яков был женат на тете Оле (еврейское имя Эйдля). У них был сын Сёма. В конце лета в 1941 году, находясь в короткое время в эвакуации в Енакиеве, мы проводили его на фронт. С ним произошло интересное событие. Когда мы находились в Сталинграде (подробно об этом ниже), примерно в марте 1942 года к нам в общежитие неожиданно пришел Сёма Левин – сын Якова. Он рассказал, что был ранен (он разделся перед сном, и я увидел на его животе большую перевязку, была видна кровь). На фронте он смог сбежать и дойти до оккупированного Енакиево. Он зашел в свой пустой дом и обнаружил там наше письмо к его родителям со сталинградским адресом. Мы там жили в огромном помещении (в бараке), перегороженным простынями по семьям. Сёма переночевал со мной под одним одеялом. Наутро мы с ним отправились в центр города на трамвае. Нашли на одной из площадей столовую (или ресторан) и заказали обед. Внезапно в обеденный зал пришёл вооруженный армейский патруль, человек 5-6. Приказали всем оставаться на местах и приготовить документы. У меня никаких документов – мне 15 лет. Я свободно мог уйти. У Сёмы, полагаю, надлежащих документов не было, а сбежать уже невозможно и его задержали. После этого его уже никто не видел. Судьба его печальна – скорее всего его предали суду военного трибунала.

Четвертым в семье деда родился мой папа – Левин Носон Хаимович. Год рождения папы примерно 1890. В паспорте стояла другая дата – 1885 год. Свой день рождения папа не знал, документов о рождении не было. Дней рождения в семье не праздновали. Папа своим именем был назван в честь своего деда (моего прадеда) – Хлавне-Носон. А меня назвали в честь папиного отца – моего деда – Хаим. Хаим в переводе с древнееврейского – жизнь. В русском варианте тех, кого зовут Хаим называют Фима. В моем свидетельстве о рождении я записан по имени Ефим. В паспорте – Ефим Носонович. Так называли меня на работе и по жизни. Здесь, в Германии, меня вызывают для богослужения к Торе Хаим бен Носон.

Среди братьев и сестер моего отца четверых детей-мальчиков назвали «Фима» - двое из них погибли на войне, третий Фима умер в Минске, а я, четвертый, пишу эти записки.

Мой папа примерно в 1920 году по большой любви женился на моей маме – Песиной Лее Шлемовне. Родители мамы – отец Шлема Песин (мой дед), мать – Хая (девичья фамилия неизвестна). Дед был портным, он был инвалидом детства, у него было что-то с ногами и руками. Бабушка (мамина мама Хая) была бесприданницей из бедной семьи и вышла замуж за кого ее отдали родители. Бабушка, по рассказам, была красивой. Моего брата Сёму назвали в честь деда Шлемы, сестру Хаю назвали в честь бабушки Хаи, которой к нашему рождению уже не было в живых, умерли молодыми. Никаких фото ни их, ни мамы не сохранилось. В честь кого назвали моего брата Игоря не известно. Самым младшим в семье моих бабушки и дедушки родился мальчик Лёва – мой дядя. Дядя Лёва родился в 1900 году. Во второй раз он женился на жлобинчанке Ите, примерно его возраста. У Лёвы с Итой родились два сына: Фима в 1932 году и Изя – примерно в 1936 году. Младший мальчик родился глухонемым. В семье тётки Иты было несколько глухонемых – ее сестра Стыся и брат (не помню его имени). Интересно, что в семье глухонемого брата тети Иты до войны родился нормальный говорящий мальчик, я встречал его после войны в Ленинграде. Дядя Лёва со своей семьей постоянно проживал в доме бабушки. Они там занимали несколько комнат. Лёва с семьей и бабушкой уехал в эвакуацию в деревню Казаркино Курганской области. Почему и как они там оказались мне неизвестно.

Во время Отечественной войны все наши дома в Жлобине сгорели в самом ее начале. Бабушка умерла в деревне Казаркино вскоре после моей мамы. Дядя Лёва с семьей после войны вернулся в Жлобин. Они построили там хороший дом на Первомайской улице. Посещая Жлобин после войны я бывал в этом доме дяди Лёвы. Мы были дружны с его сыном Фимой все годы до его смерти. Я забыл сообщить, что младший сын дяди Лёвы – Изя тоже умер и похоронен в Казаркино в возрасте примерно 5 лет. Так что в деревне Казаркино мы оставили три могилы безо всяких надгробий.

Старший сын Фима стал военным авиатехником. Он рано женился – в 18 лет. Со своей женой Людмилой он прожил 57 лет. Фима умер в сентябре 2007 года, Людмила умерла в 2014 году. Семья сына Фимы и Люды – Игоря Левина – живет в краснодарском крае в Крымском. Сына зовут Игорь, у него две дочки, есть внуки.

Не сказал, что Фима с Людой свою совместную жизнь прожили под Минском в поселке Мачулищи. Там находился военный аэродром, где он служил.

У моего отца была еще одна сестра – моя тётка Райха. В общении на работе её называли Раиса Ефимовна, а для меня она на всю жизнь была тётка Райха. Она была очень близка нашей семье, моя мама всегда дружила с ней. Помнится, что в те далекие годы, когда мы все вместе жили в доме бабушки (мои очень ранние годы) тётка Райха заступалась за маму, если бабушка бывала с ней несправедлива.

Тётка Райха во втором браке была замужем за Гдалей Симкиным. Папа рассказывал мне в детстве о том, что они с дядей Гдалей были однополчанами во время 1-ой мировой войны 1914 г. Папа рассказывал мне, что во время той войны он попал в немецкий плен и был определен работать в хозяйстве немецкого крестьянина в районе города Аахена. Уже в эти годы эмиграции лет 10 назад мне довелось побывать на экскурсии в этом Аахене. Это интересный старинный немецкий город. Это было интересно – побывать в тех местах, где папа был в плену.

Вернемся к тете Райхе. У неё с дядей Гдалей родились трое детей: старший – Хаим, ровесник моей сестры, он родился в 1920 г. Хаим после школы окончил ещё до войны военное училище. С первых дней войны он попал на фронт и погиб в 1943 году. Средний

сын – Сёма родился 15 февраля 1923 года. Он провёл всю войну, остался жив, вернулся после войны в Жлобин в звании старшины, с боевыми наградами. Он привёз из Германии ценные вещи, за счёт которых помог родителям построить хороший большой дом. Позднее Сёма уехал в Москву, учился в училище при еврейском театре Михоэлса. В Москве женился на Гене Зайцевой, 1930 года рождения. У них родилась дочь Марина. Сёма умер в 2002 году. Гена умерла в том же году. Весной 1986 года мы с Гулей побывали в Риге, где жила дочь тётки Райхи – Софа с мужем Лёвой. Там мы отпраздновали 90-летие тети Райхи. Через пару лет она умерла и похоронена в Риге.

Хочу дополнить свои воспоминания более подробным рассказом о тётке Райхе Симкиной – сестре моего отца. На её 90-летний юбилей собрались все родственники и наши друзья. Из Москвы приехали её сын Сёма Симкин с женой Геней Зайцевой. Вместе с тёткой в одном доме в Риге жили её младшая дочь Софа с мужем Лёвой Берлиным и его мамой (тоже 90-летней Саррой), сыновья Лёвы и Софы – Фима и Виля с женами (Олей и Машей) и детьми. Из Минска приехали брат Лёвы Берлина Ося с женой Машей, а также мой двоюродный брат Фима Левин с женой Людой. Из Ленинграда приехали моя сестра Хая, я с Гулей и Асей, а также друг наших семей Иосиф Фодеманов, отметивший два года назад в Берлине своё 90-летие. Были ещё Аня Рапопорт с дочкой Реной. Это самые близкие люди, других уже не помню. Тётка Райха, несмотря на свои 90 лет была адекватной, очень гостеприимной, всем высказала свои самые добрые слова, у неё светлый ум, ясная голова. Это был замечательный вечер воспоминаний и любви.

Фима Левин (мой двоюродный брат из Минска) записал на аудиокассету все выступления на вечере, а на нём выступали: Сёма Симкин, Софа, сама тётка Рая, моя сестра Хая, Геня Зайцева, Иосиф Фодеманов (на языке идиш), Аня Рапопорт, Лева Берлин, Фима из Минска, я – Фима Левин. Аудио запись вечера у меня сохранилась. Нолик Рапопорт переписал мне эту кассету в Ашдоде на диск.

Тётка Райха тяжело пережила гибель на фронте в 1943 г. старшего сына Хаима. Её муж дядя Гдаля Симкин умер году в 1980 и похоронен в Жлобине. Сама тётка Райха умерла через 1-2 года после своего юбилея.

В самом начале этой страницы надо было сообщить, что 90-летний юбилей тётки Райхи состоялся в Риге в феврале 1986 г. Этот вечер состоялся в 4-х комнатной квартире Софы и Лёвы.

Теперь о родных со стороны моей мамы Левиной Леи Шлемовны. У родителей моей мамы было трое детей: старшая – моя мама, родилась в 1892 году (так было указано в её паспорте). У мамы были брат Иче-Дона и младшая сестра – Бася (её год рождения по паспорту – 1908г). Год рождения Иче-Доны неизвестен. Известно (по рассказам мамы), что их родители умерли нестарыми, т.к. Бася с малых лет воспитывалась мамой, и все детство Баси сопровождала мама. Мама и Бася трогательно любили друг друга, я это помню с моих юных лет. Родители мои нормального образования не смогли получить. Папа, как и все еврейские мальчики, получил обязательное образование в Хедере (специальное еврейское образование - начальное). Для девочек такого образования не было. Мама училась самостоятельно и выучилась настолько, что помогала многим детям в домашнем обучении. Папа много занимался самообразованием, много читал. Я помню, что он писал по-русски очень грамотно. Специального образования папа не получил, но в годы советской власти, на моей памяти, работал в разных учреждениях.

Папа с мамой по большой любви поженились примерно в 1919-1920 годах. Моя сестра Хая родилась 18 декабря 1920 года, а потом мы, братья, стали появляться на свет через каждые три года: Сема - 1 июля 1924 года, Фима - 11 апреля 1927 года и Изя – 6 августа 1930 года.

Короткое время мои родители с нами прожили в доме бабушки. Последующие годы жили на разных съемных квартирах. Хочу сообщить всем читающим эти записки, что у нас была очень дружная семья. У нас никогда не случалось семейных конфликтов. Мы, сестра и братья, всю жизнь были очень дружны, постоянно общались друг с другом. Членом нашей семьи, очень уважаемым, была наша тётя Бася. Всю свою нелегкую жизнь Бася посвятила нам – своим племянникам. Вечная ей память! На гранитном памятнике Басе в Ленинграде выбиты слова: в память о нашей МАМЕ.

Мама очень любила своих младших брата и сестру. Бася в предвоенные годы в летнее время приезжала из Ленинграда к нам погостить. Дядю Иче-Дону я не помню, он почему-то не приезжал, а семья его к нам приезжала. Помню их последний приезд в Жлобин году в 1939-1940. Тогда из Харькова к нам приехали его жена и двое детей: девочка моего возраста и мальчик Миша 5 лет. В предвоенные годы дядя Иче-Дона (мамин брат) заболел, и мама поехала в Харьков навестить его. Во время нашей эвакуации с началом войны, мы в июле 1941 года были проездом в Харькове и навестили семью маминого брата. Он тяжело болел, был лежачим больным. С началом военных действий под Харьковом семья моего дяди не смогла покинуть город и, скорее всего, там и погибла.

Я после окончания второго курса техникума в городе Николаеве перевелся в Ленинградский ж.-д. техникум в июле 1945 года и с тех пор жил в Ленинграде вместе с тётей Басей до самой её смерти 21 октября 1961 года. (История поступления в техникум см. стр. 16).

У моей мамы и Баси из родни были ещё три двоюродных брата. Все они с семьями жили в Жлобине. Один из них Гриша Леинов был районным прокурором. В 1937 году он был осужден по ложному обвинению как «враг народа», получил 10 лет заключения и там и погиб. Еще были двоюродные братья Лейба и Залман Песины. Лейба (или Леба) был кузнецом, имел семью – я их не помню. У Залмана была жена Хая и трое детей, после войны они тоже жили в Ленинграде. Одна из них Люба (1929 года рождения) умерла недавно, а другие раньше. Других маминых родных я не знал, вряд ли они были.

Написал эту фразу и вспомнил, что жила в Ленинграде еще одна родственница мамы, Баси – тетя Гися. Она была нашей родственницей, какой именно, я не помню. Но помню, что Бася с ней дружила, вместе с ней выезжала на юг в отпуск.

Возвращаюсь к давним воспоминаниям.

При всех предвоенных трудностях детство запомнилось как счастливое. Родители нас любили, по возможности баловали. К моменту начала войны наша семья жила в Жлобине. Только Хая - старшая сестра и тётя Бася жили в Ленинграде. Бася работала в одном из автопарков. Хая училась в ЛГУ – ленинградском университете, в который поступила в 1938 году на филологический факультет без экзаменов, как отличница в учёбе. До войны в Жлобине жили также наша бабушка Левина Мэра Хаимовна в собственном большом доме дореволюционной постройки на улице Леккерта (еврейский революционер). Вместе с бабушкой проживала семья её младшего сына Лёвы (брата папы). В Жлобине находилась и семья тети Райхи Симкиной. В довоенные годы они жили в съемном доме возле церкви. После войны в 1945-1946 годах они построили свой просторный дом.

Родители родили нас – четверых детей – проживая в доме бабушки и на съёмных квартирах. Я помню себя маленьким в доме бабушки, там был простор для игр. Помню, лет в 7-8 я забрался на чердак, бегал там и вдруг под ногами что-то проломилось, и я оказался на кухне – цел и невредим. По-видимому, дом был очень стар и нуждался в ремонте. Бабушка, как и все старики в Советском Союзе пенсии не получала. До войны пенсии никому не платили. А её дети были небогаты. Другие дети бабушки – сыновья Бенцион и Яков и дочь Ревекка в далекие довоенные годы уехали из родного города. Бенцион и Яков уехали на Донбасс в город Енакиево (Украина). Ревекка уехала в Киев. Там они обзавелись семьями и там их застала война. Кроме Бенциона, который бросил свою жену Хамчу, каким-то образом оказался в Сталинграде (ныне Волгоград). Чем занимались мои дядья и тётки в местах своего проживания, какими профессиями овладели, на какие средства существовали я не знаю. Дожив уже до сознательного возраста, никогда не расспрашивал своих родителей. А когда появился интерес к этому, спросить было некого. Что-то знали моя сестра Хая, мои кузены и кузины. Не успел спросить, все ушли в мир иной. Поэтому и решил оставить эти записки. Может этим заинтересуются мои наследники.

Вернёмся к довоенному детству. Наступило время, когда мои мама и папа решили обзавестись собственным жильём. Наше государство рабочих и крестьян в те годы никакой помощи в этом деле не оказывало. Квартир никому не давало и не помогало в строительстве. Я не знаю, чем занимался наш папа после женитьбы на маме, какие у них были источники доходов. Мои воспоминания о работе папы начинаются с моих 7-8 лет. Чётко помню, что мой папа был директором кинотеатра им. Будённого на Советской улице возле речушки Чёрночки, впадавшей неподалеку в Днепр. Помню, что до работы в кинотеатре папа был какое-то время директором бани г. Жлобина. Баня находилась на улице Советской за железнодорожным переездом на Карпиловке (так назывался этот район города). Мы пользовались служебным положением папы. Наша семья посещала баню вечерами, после ее закрытия для обычных жителей, мылись одни, только наша семья. Как долго папа был директором бани не помню.

Вернёмся к вопросу о жилье. Примерно в 1933-1934 годах родители узнали о продаже части дома на ул. Карла Маркса, 19. Хозяин дома Юда Кремень продавал половину своего дома. Мне неизвестна стоимость этого дома. Но надо было решать вопрос оплаты. Выручила тётя Бася. Она, работая, в автопарке в Ленинграде, накопила какие-то деньги, экономя на всём, отдала свои накопления на покупку этой части дома. Как осуществлялась эта сделка, в рассрочку или другим способом, не знаю. Помню, что с этого времени мы стали жить в своём доме. Дом был старый, деревянный, рубленный, добротный. У нас был свой вход через большое крыльцо с кладовками. Входили в дом через небольшую кухню с русской печкой. Были еще три комнаты – столовая, зал и спальня. Папа с мамой спали на металлической никелированной кровати. Я с братом Изей спали вдвоём на одной кровати с пружинной сеткой, на которую укладывался пуховый матрац-перина. В спальне стоял фанерный шкаф, дверцы которого были изрисованы сестрой Хаей балеринами. К дому относился малюсенький участок земли, сотки две. На участке был бревенчатый сарай для коровы и выгребной туалет. Участок земли служил нам огородом. Мы сажали огурцы, редиску, лук. Для посадки картошки власти города выделяли участки земли в пригородной зоне. Давали по 12 соток. Картошку мы сажали за плугом с лошадью. Собранного урожая хватало надолго. Несколько предвоенных лет у нас была корова по имени Марта. Держали мы и свинью. Но здесь нас постигал неудача. После забоя свиньи у нее оказалась болезнь – крупка. Есть нельзя, куда-то сдали. Держали мы и кур – под русской печкой было пространство. Так что какое-то время были свои яйца, молоко, сметана. Из сметаны мама

сбивала масло. Но эти деликатесы мы имели короткое время. Обычно продукты покупали на базаре у колхозников. В магазине можно было купить только хлеб, сахар, керосин, какие-то крупы. Одежда, обувь, ткани – все было большим дефицитом. Когда появлялся слух о предстоящей продаже тканей, очередь занималась накануне вечером и терпеливо выстаивали всю ночь. Папа кое-что доставал в своих командировках в Минск, Гомель, Бобруйск. К моей огромной радости он однажды привез сандалии из кожи с большим рантом – это считалось очень красивым. В другой раз ещё большая радость была – он привёз мне хромовые сапоги. Сапоги были маловаты, у меня оказался высокий подъём в ступне, сапоги не налезали. Тогда в них насыпали скользящий порошок – тальк. И я сумел после этого влезть в сапоги. Радости не было предела.

С одеждой было очень трудно. У мамы не было никакой нарядной одежды. Папа ходил в одном шевиотовом костюме, в сапогах зимой и летом. У мамы была подруга-портниха Лея Хайкина. Она сшила маме платье. Когда сестра Хая закончила школу и поступила в Ленинградский университет, Лея сшила ей очень красивое демисезонное пальто (на мой мальчишеский вкус). Пальто было из серого материала букле с большими накладными карманами. Помню, как мы провожали Хаю в Ленинград. Отъезжающих было очень много, билетов не было. Все пассажиры скопились в зале вокзала, на платформу не выпускали. Тогда мой смелый папа сумел открыть окно из зала на перрон, и мы через него перелезли на платформу и сумели запихнуть Хаю в вагон поезда на Ленинград. К 1941 году Хая закончила 3 курса ЛГУ. Сёма закончил 9 классов, я шесть классов, Изя перешел в 4 класс.

Сёма учился очень хорошо, был отличником учёбы, как Хая. Я тоже учился хорошо, у меня были почетные грамоты за 3,4,5 и 6 классы. Но я был не таким способным, как Хая и Сёма. Я добивался успеха за счет усидчивости и старания. Мама рассказывала, что однажды по улице маршем шли воинские подразделения, и она сказала: «Фимочка, походи посмотри военных». Я ответил, что не могу, так как еще не сделал уроки. Изя учился тоже неплохо, но отличником не был.

Жили мы, как большинство людей – наших родных, соседей, друзей с известными трудностями – с недостатком средств и огромным дефицитом промышленных и производственных товаров. Однажды ночью папа принёс в дом велосипед. Он его достал «по благу», и надо было принести в дом, чтобы никто не увидел. Это было году в 1939. Тогда же, помню, обнаружил в ящике письменного стола штуку твердокопчёной колбасы – недостижимый деликатес. Его там спрятали до какого-то предстоящего праздника. Мама старалась приготовить что-нибудь вкусное. Очень радовали испеченные коржики – мука, дрожжи, соль, чуток сахарного песка, посыпанного сверху. Это пеклось в русской печи и было необыкновенно вкусно. Деликатесом была яичница-глазунья на сале. Фантастика! У папы работал на автомобильной кинопередвижке киномеханик Степан Капустин. Жил он в деревне Хальч за Днепром. Было у него большое крестьянское хозяйство, коровы, куры. Степан пригласил меня к себе в деревню. У него был сын, мой ровесник и мы с ним пасли скот и занимались другими крестьянскими работами. Нас там очень вкусно и обильно кормили. Это было незабываемо.

Папа в это время, будучи директором городского кинотеатра, заведовал Жлобинским районным отделом кинофикации вплоть до 1938 года. Задача этого райотдела – обслуживать сельское население показом кинофильмов. Для этого были предназначены передвижные автомобильные киноустановки. Водитель-шофёр был одновременно и киномехаником. Степан Капустин – один из них.



В довоенные годы главным нашим развлечением был Днепр. Всё лето мы с друзьями проводили на реке. По Днепру осуществлялся сплав леса плотами – как и сто лет назад. Бывало, что в черте города, на речке скапливалось много плотов, они стояли на месте. Это было замечательное место для игр. Мы бегали по бревнам плотов, как по дорогам. Было интересно и страшно. Купаться мы любили на «женском пляже», он находился на другом от города берегу Днепра. Там чистый песчаный берег, заросли кустов, луг. На тот берег можно было переехать на лодке за 10 копеек. А денег у детей не было. Я однажды решил переплыть речку. А было мне лет 10. Плавать я еще не научился. Для переплыва я сделал плавсредство – изготовил два пучка из пустотелых стеблей каких-то водорослей, связал их шпагатом и лёг между этими пучками и поплыл. Ширина Днепра в пределах города около 200 метров. Где-то на середине реки на одном из пучков лопнула верёвочка и он стал рассыпаться. Но я обнял все мои стебли и доплыл до противоположного берега.

Мы, дети, всегда участвовали в городских праздниках. Ходили на демонстрацию со своей школой на праздники 1 мая и 7 ноября. Шествие шло по Первомайской улице на стадион. На первое мая устраивали маёвки в лесу за Днепром. Там всегда играл духовой оркестр. С лотков продавали напитки и сладости. Организованные участники выезжали коллективно на автомобилях (грузовиках). Мы, пацаны, добирались пешком. Для этого нужно было пройти по мосту через Днепр, а там еще дальше по лесу 1-1,5 км. В школе я дружил с Илюшей Песиним. Он жил с родителями в доме дедушки Давида (Доди). Его папа Иче (Исаак) Песин и мама Хая работали в прод. магазине. Дедушка Додя был портным. Очень яркий красивый старик с роскошной бородой. Был у Илюши старший брат Петя. К началу войны он окончил 8 классов. Петя погиб в первый год войны. С Илюшей мы дружили всю жизнь до его кончины в 2009 году в Берлине. У меня сохранилась единственная детская фотография 1940 или 1941 года. Это был шестой класс. Карточку вклею в эти записки. Там два мальчика – я и Илюша, учительница Блюма Наумовна и девочки Женя Васильченко, вожатая, Надя Никиткова, Нина Симановская и Лиза Эпштейн, которая мне очень нравилась, но даже не догадывалась об этом. Удивляюсь своей памяти – ведь это было 75 лет назад!

В Жлобине жили родные тётя и дядя Илюши Песина: брат его мамы Каплан Вульф Давидович с детьми Аней (1931 г. рождения) и Ильей (1928 г. рождения). Эта семья в начале 30-х годов переехала в Ленинград. Мы снова встретились в послевоенные годы (1945 год) и наша дружба продолжилась все последующие годы.

До войны 1941-1945 гг. постоянно в Жлобине проживали семьи дяди Лёвы (в составе дяди Лёвы, его жены Иты, её глухонемой сестры Стыси, детей Фимы и Изи с нашей общей бабушкой Мэрой), семьи тёти Райхи (в составе тёти, её мужа Гдали, детей Хаима, Сёмы и сестры Софы), а также наша семья (наши родители, сестра Хая и братья Сёма, Фима и Изя). Все другие дядья и тёти жили в других городах СССР: дяди Бенцион и Яков – в Енакиево (Донбасс), тётя Ревекка – в Киеве, дядя Иче-Дона (брат мамы) – в Харькове, тётя Бася жила и работала в Ленинграде.

Все мы, родные, жили в мире и согласии. Моё воспоминание о детстве – самое счастливое время. Всё было интересно – новый фильм в кино, очень много читал, книги были интереснейшие, счастливейшее время на Днепре, игры с друзьями! Помню первый цветной фильм «Дуня Корнакова» (Соловей-Соловушка), «Путевка в жизнь», «Дума про казака Голоту» с Раневской в главной роли. Это было до 1939 года. Папа брал меня иногда с собой в командировку. Однажды я был с ним в Бобруйске. Жили в гостинице (впервые в жизни). Питались в ресторане. Я там объелся. Обед был обильный, т.к. порции были очень

большими для моего детского желудка. В Бобруйск мы ехали на поезде – тоже впервые для меня. В другой раз папа взял меня в Гомель, ехали на грузовой машине – с киноустановкой. Мама однажды до войны поехала в Харьков навестить своего очень больного брата Иче-Дону (он моложе мамы). Его дети – дочь – моя ровесница и сын Миша (5 лет) в 1940 году гостили у нас в Жлобине.

Из довоенных воспоминаний в памяти остался случай как я провалился на льду Днепра. Было это году в 1936-1937. Стояла суровая зима. Я со своим приятелем Беней Игольниковым (он меня на 2 года старше) пошли гулять на Днепр. Лед у берега был гладкий, прозрачный, скользкий. Мы бегали по льду и скользили на ногах. Внезапно лёд проломился, и мы оказались в ледяной воде. Стали хвататься за окружающий нас лёд, а он стал обламываться. Под ногами дна не находим. На берегу есть люди, но никто не торопится нас спасать. С большим трудом нам удалось взобраться на более прочный лёд и выйти на берег. А было очень морозно. Вскоре на наших пальто образовались сосульки. Мы пришли к нам домой. Мама нас передела в сухое и загнала на русскую печь. Там было очень тепло. И всё обошлось. На завтра мы пошли в школу.

Году в 1937 папу вызвали в Минск на совещание кинороботников Беларуси. Там его наградили именными карманными часами с надписью на крышке часов «Ударніку-кінороботнику тов. Левіну од Белдзяржкіно» - на белорусском языке. Мы были очень горды. К сожалению, эти часы не сохранились. Вспоминаю, что никогда до войны в семье не праздновались дни рождения. Нам не было известно, когда родились наши родители. Мы знали только примерно в каком году это произошло, а даты рождения они сами не знали. Однажды какой-то мой день рождения (мне было около 10 лет) совпал с еврейской пасхой. Мама строго соблюдала пасху. На эти дни полагается специальная кошерная посуда. А у нас ее не было. Поэтому мама обжигала все горшки-кастрюли в печке. И по случаю моего дня рождения мама дала мне особое угощение – стакан молока и в него накрошила немного мацы. Это удивительно вкусно! Я и сейчас делаю себе такую еду на пасху. Это забываемо!

У нас была замечательная мама! Тонкая, нежная, ласковая, заботливая. И как она страдала, когда не могла хорошо накормить нас, приодеть! Как я сейчас страдаю, что никогда не произнес маме ласковое слово, не благодарил ее, ни разу не обнял. Мама сама ходила на Днепр за водой для чая. А это больше километра. А мы, здоровые парни, допускали это. Мама перестирывала горы белья вручную, а зимой таскала это белье на Днепр, чтобы прополоскать его в проруби. А потом спасала замерзшие руки глицерином. Никто не помогал ей в этом.

Приходится только сожалеть.

У нас не было принято проводить застолья с родственниками. Хотя жили мы между собой очень дружно, часто общались. Застолья устраивала изредка тётя Райха, папина сестра. Мы приходили к ним всей семьей. Тётя спрашивала меня: «Фимочка, хочешь кушать?» Я, конечно, очень хотел, но стеснялся, и отвечал гордо: «Не хочу». А потом пребывал в другой комнате и страдал. Большим событием в стране в то время (1937 год) стали выборы в Верховные Советы СССР, БССР и местные советы, которые прошли в соответствии с Новой Конституцией (Сталинской), принятой в 1936 году 8-м чрезвычайным Съездом Советов СССР.

12 декабря 1937 года по всей стране прошли выборы в местные советы депутатов трудящихся. Состоялись в этот день и выборы в Жлобинский горсовет. Депутатом этого

горсовета был избран наш папа – Левин Носон Хаимович. С этого дня папа перешел на службу в горсовет. На первой сессии этого совета его избрали секретарём горсовета. Председателем этого Совета был избран Вожик (имени я не помню). Мы все были очень горды – папа стал вторым лицом в городе. Нам сразу поставили городской телефон. Это была большая редкость! Папа стал получать регулярно зарплату, которая была очень невелика, но на скромную еду хватало.

Помню, что 1937-1938 года были годами «Большого террора». Было арестовано в стране 7 млн. человек. 3 млн. из них было расстреляны. Арестовали и нашего дядю Гришу Леинова – двоюродного брата моей мамы. Он занимал должность районного прокурора. Ему присудили 10 лет, он умер в заключении. Семью его с двумя малолетними детьми (мальчик и девочка – 5 и 14 лет) сослали в Казахстан. После войны они вернулись в Днепрпетровск. Там их следы потерялись.

Война застала папу в должности секретаря горсовета. Рано утром 22 июня 1941 года папу вызвали на работу. В первую или вторую ночь войны немцы бомбили жлобинский ж.-д. узел.

Немцы стремительно продвигались к Белоруссии. В июне-июле 1941 года были захвачены Белоруссия, Латвия, Литва, Эстония, западные области Украины. Нам надо было бежать из Жлобина. Железнодорожное сообщение из Жлобина прекратилось к числу к 28 июня. Папе удалось достать лошадь с телегой. Мы погрузились 5 человек – папа с мамой, Сёма с Изей и я. Вещей взяли самую малость – то что носили на себе. Мама еще прихватила ценный узелок вещей, принадлежавших тёте Басе. Это были её новые постельные принадлежности, х/б полотенца, скатерти. Успели взять паспорта родителей, а наши метрики, грамоты из школы, фото дедушек не взяли. На телегу была брошена охапка сена. Примерно 26 июня мы отбыли из Жлобина в южном направлении на Гомель. По мосту переправились на левый берег Днепра, и доехали до деревни Хальч. Переночевали и утром на той же лошади доехали до станции Салтановка. Лошадь оставили на станции и далее местным поездом доехали до Гомеля – наш областной центр. В Гомеле нас приняли к себе какие-то знакомые родителей. Надо же! Приняли 5 человек, разместили, поили и кормили. У родителей денег не было, ценных вещей не было. У мамы не было даже обручального колечка (в голод сдали в Торгсин). А наша сестра Хая в это время находилась в Ленинграде, с Басей. Помню, что я пошел на почту и отправил Хае с Басей телеграмму, что мы в Жлобине и у нас все в порядке. В каком порядке? У нас все-таки оказалось около 30 рублей. Это были собранные Сёмой членские комсомольские взносы. Сёма был секретарем комсомольской организации школы №2 г. Жлобина (русская школа). Сёма не успел сдать эти деньги в банк. Надо заметить, что мы свой отъезд не согласовали ни с кем из родственников. Как и они с нами. Все полагали, что уезжаем мы все на короткое время, скоро вернемся. Бежали мы в южное направление в сторону Харькова. Куда именно мы хотели попасть – неизвестно. Движение пассажирских поездов в районе Гомеля к тому времени прекратилось. Предстояло уехать товарным поездом. Папа где-то узнал, что готовится к отправлению грузовой состав для эвакуации завода «Гомсельмаш» - гомельского завода сельскохозяйственного машиностроения. Мы все с нашими пожитками безо всякого разрешения погрузились на одну из открытых платформ с погруженными на неё заводскими станками в ящиках. Ящики были свалены свободно и не закреплены. Мы нашли укромный уголок между огромными ящиками и там расположились для сна. Подстелили какое-то тряпье. Вероятно, знакомые родителей, у которых мы остановились в Гомеле, дали нам какие-то старые одеяла и подушки. После небольшого ожидания поезд тронулся в южном направлении в сторону Харькова. Ехали несколько суток. К счастью, не

было дождя, но ночью было очень холодно, хотя стоял конец июня – начало июля 1941 года – ведь вагон открытый – без стенок и крыши. В одну из ночей, уже подъезжая к Харькову, произошло несчастье – один из ящиков со станком свалился и придавил мальчика 14 лет из семьи наших соседей-беженцев. Произошло это на станции Ворожба. Мальчик погиб, и семья осталась на этой станции Ворожба. Я запомнил эту страшную ночь на всю жизнь.

На следующий день мы приехали в Харьков и пошли искать семью маминого брата Иче-Доне Песина. Адрес у нас был. Помню, что они жили на улице Вишневой или Вишневской. Нашли эту улицу и дом. Семья оказалась на месте. Но наш дядя Иче-Дона был тяжело болен и лежал в кровати. Не смог даже при нас приподняться. А в Харькове уже началась эвакуация, враг приближался к городу. Но семья дяди не смогла бежать с тяжело больным человеком. Они были обречены. Никаких сведений об их судьбе узнать не удалось. Нам предстояло бежать дальше. На станции Харьков стоял поезд, отправлявшийся в Сталинград. Мы погрузились в этот поезд и поехали в Сталинград – не самое лучшее место, чтобы спастись от войны. В Сталинграде мы оказались в июле 1941 года (в начале месяца). Выяснилось, что сборный пункт эвакуированных беженцев находится на городском стадионе – на трибунах и под трибунами стадиона. Я в последствии, лет через 25 был в Сталинграде по делам службы и посетил этот стадион. Там скопилось огромное количество людей – беженцев. Все стены и другие вертикальные поверхности трибун стадиона были обклеены записками-восклицаниями: «ищу», «ищем», «мама, где ты?», «ищем детей», «ищем родителей», «помогите!». Это было страшное место. Помню, я устроился спать под скамейкой на трибуне стадиона. Сверху на меня сыпались вши! Это было ужасно. В Сталинграде в это время проживал папин старший брат Бенцион. Он бросил свою первую жену Хамчу в Енакиеве (на Донбассе) и каким-то образом оказался в Сталинграде, где жил с новой русской женой в её доме. Папа нашел своего брата и привел к нам на стадион. Он не стал приглашать нас к себе в гости. А на просьбу папы помочь нам деньгами, ответил, что он надел не тот пиджак и денег при нём нет. И этим наша встреча с дядей завершилась. В это трудно поверить.

Я здесь допустил неточность. Прошу меня извинить. Из Харькова мы сначала отправились на Донбасс. Там в городе Енакиеве жили с довоенных пор папины братья – Бенцион и Яков с семьями. В Енакиеве мы остановились в доме дяди Якова. В этом доме (довольно богатом) он жил с женой Эйдлей (Олей) и сыном Сёмой, которого мы вскоре проводили на фронт (середина июля 1941 года).

Город Енакиеве один из промышленных городов Донбасса, находился недалеко от областного центра – города Сталино (ныне Донецк). В городе находился крупный металлургический завод. Вблизи этого завода жил друг папы по военной службе в царской армии Давид Фрадкин с семьей из 4-х человек. У Давида был большой кирпичный дом с участком земли. Чем занимался Давид я не знаю. Но это была обеспеченная семья, они были довольно богаты. После короткого нашего проживания в доме дяди Якова, нас пригласил Давид Фрадкин переехать в его дом. Для нас это было очень важно, так как у нас не было средств для продуктов, а семья Давида обеспечила нас нормальным питанием.

Кроме нас в гостях у Давида находилась семья родственников Давида, эвакуационных из Бобруйска (из Белоруссии). Это была семья Сосонкиных, их было четверо. Таким образом Фрадкины взяли на содержание 8 человек. Какие хорошие люди!

В семье Фрадкиных росла младшая дочь Ася, ей было двенадцать лет, мы с ней были очень дружны. У Фрадкиных мы прожили около двух месяцев – в июле – августе 1941 года. Дольше оставаться там было нельзя, т.к. фронт стремительно приближался к Донбассу. Нам

надо было ехать куда-то на Восток. Почему-то родители решили направиться в город Сталинград. Предполагаю, что это решение было принято из-за того, что в Сталинграде жил с новой женой брат нашего отца – дядя Бенцион.

Семья Фрадких осталась в оккупированном фашистами Енакиево. Судьба их неизвестна, скорее всего они все погибли.

В Сталинград мы прибыли в августе 1941 года. Нам предоставили жилье в большом рабочем бараке – большой одноэтажный дом без всяких удобств. Огромная комната перегороджена на маленькие закутки, перегородженные друг от друга простынями, висящими на веревочках. У нас было несколько кроватей с постелью. Туалет и умывальник – во дворе. В Сталинграде мы жили трудно, папа болел, работать не мог, брат Сема устроился учеником на тракторный завод. Пришлось пойти работать нашей маме на завод «Красный Октябрь» - грузила вручную металлолом на железнодорожные платформы. Наша хрупкая мамочка на такой ужасной работе. Ведь соответствующей одежды у нее не было. Сёма устроился учеником слесаря на тракторном заводе. В наш барак привозили с фабрики-кухни канистры с супом на воде с галушками – для проживавших в бараке эвакуированных. Раздавали бесплатно. Рядом с нами жила семья татар. Их дети все время просили хлеба: «Бир ипи!». Хлеб был еще без карточек, но недолгое время. Нужда была страшная. Каким-то образом пережили трудную зиму на 1942 год. К весне война начала приближаться к Сталинграду. Сёма стал работать в школе пионерским вожатым. К лету 1942 года начались бомбардировки города. А ведь мы жили в самом промышленном районе – Тракторный завод, Металлургический завод «Красный Октябрь», Метизный завод. Все они выполняли военные заказы. Лето в Сталинграде было тревожным. Война неумолимо приближалась к волжским берегам. В июле начались бомбардировки города, особенно в нашем заводском районе. 17 июля считается официальным началом Сталинградской битвы. Началась эвакуация гражданского населения. К концу июля – началу августа железнодорожное пассажирское движение прекратилось. Уехать можно было только паромом по Волге. На волжской набережной Сталинграда скопились тысячи людей с клумками. Никакой организованности, порядка не было. Периодически подходили пароходы и люди панически бежали к трапам, расталкивая друг друга. Мы собирались ехать вчетвером – мама, папа и мы с Изей. Сёму из города не выпускали, он был призывного возраста, ему 1 июля 1942 года исполнилось 18 лет. Ему скоро удалось бежать из города вместе с дядей Бенционом. Сёма добрался до г. Чкалова (Оренбурга), где к тому времени находились Бася с Хаей. Куда девался Бенцион, я не знаю. В один летний августовский день нам удалось влезть на паром. Устроились на открытой палубе, в каютах мест не было. Палуба была забита до отказа. Попасть в галюн (туалет) было очень трудно. По дороге к пароходу подносили огромные астраханские арбузы по низкой цене. Мы объедались арбузами, но ни оказались сильным мочегонным средством. А в туалет не попасть... Катастрофа! На пароходе были установлены на носу и корме противозенитные пулеметы. От нападения самолетов. Паром двигался вверх по Волге и довез нас до города Сызрань, недалеко от Саратова. Наша цель была Сибирь, Курганская область, нам каким-то образом стало известно, что там находится папин брат Лёва со своей семьёй и бабушкой Мэрой. От станции Сызрань мы по железной дороге в товарном вагоне много дней ехали на восток. В один из дней добрались до Челябинска. Еды не было, денег тоже. И тут я увидел, как моя бедная мама подошла к неизвестному мужчине и попросила у него немножко денег, чтобы купить хлеба. И он не отказал. Представляю себе какое унижение испытала моя мама при этом. А что было делать. Нам еще предстоял долгий путь до Кургана. Опять устроились на грузовой поезд и добрались до станции Макушино. А родственники наши жили в деревне Казаркино,

Макушинского района. А туда никакого организованного движения, ни поездов, ни автобусов. Расстояние больше 10 км. Уже не помню каким образом мы туда добрались. Вероятно, попутно крестьянской телегой. Разместили нас в чьём-то крестьянском доме. Я уже не помню наших хозяев. В то время уже наступил сентябрь 1942 года. Работы никакой нам не предлагали, колхозникам самим нечего было делать. Урожай уже был собран. Помню я с мамой ходили на картофельное поле и перекапывали землю в поисках оставшейся случайно после уборки картошки. Что-то находили. Магазины в деревне не было. Все жили на своем натуральном хозяйстве. Никто никакой помощи нам не оказывал. Спасали взятые нами из дому вещи из Басиногo узелка. Полотенце меняли на ведро картошки. Были там еще какие-то постельные принадлежности, скатерти. Пришла холодная сибирская зима. Никто нам не пожертвовал ни поленьшка дров. Я с саночками ходил в лес и собирал сушняк: топором вырубал высушенные деревья. А папин брат Лёва, бывший при должности ни разу не пригласил нас даже на стакан чаю. И ни копейки денег не одолжил. А в это время Хая находилась на фронте, Сёма учился в Оренбургском (тогда Чкаловском) артиллерийском училище. Папа был слаб, периодически болел. А мы, дети, постоянно хотели есть. Мама ужасно страдала. Никто не мог нам помочь. В нашу деревню приехала также семья папиной сестры Райхи с её мужем Гдалей и моей двоюродной сестрой Софой. Их дети Хаим (1920 г.р.) и Сёма (1923 г.р.) были на фронте, я уже писал об этом.

Мы меняли жильё. Некоторое время жили в семье колхозника Манушко, после жили в зажиточной семье с коровой. Но никто никогда не делился с нами пищей. Ели мы хлеб из овсюка. Овсюк – это сорняк злаковых полей с острыми колосьями, вонзавшимися во рту при жевании. Когда у нас был хлеб мама давала нам по равному кусочку. Я съедал его сразу, а Изя нарезал маленькими кубиками и хранил на шкафу, поедая постепенно. Я ни разу не украл у него ни кусочка. Бедности, голоду всегда сопутствуют вши. Есть такие кусачие насекомые, вечные спутники бедности. Однажды мне пришлось в деревне постричься. Был у нас там инвалид-парикмахер. Я пошел к нему постричься. Денег он не брал. Он покрыл меня простыней и начал работать. Ключья волос посыпались на простыню и вдруг по этой простыне поползли мои сытые вши. Я загорелся от стыда. А мастер как будто ничего не видит, молча закончил работу и стряхнул простыню. Спасибо хорошему человеку! Зима 1942-1943 года была трудной, вести с фронта неутешительные, перспективы наши самые мрачные. Приближался март, черный месяц в нашей истории. Заболела мама. Высокая температура, тяжелый кашель. Тяжелое воспаление лёгких. При этом есть нечего. В чулане дома нашего хозяина на полках лежат замороженные в форме мисок кругляши молока. Хорошо бы дать маме стакан горячего молока. Но эти люди не предлагают, жалко, а просить я не смею. Мама лежит на русской печи, я рядом. Ее дыхание ужасно – как скрип трущихся друг о друга галошей – тяжелое, прерывистое. 11 марта 1943 года я выбегаю на улицу и вижу проезжающего мимо на санях доктора. Я хватаю лошадь под уздцы и останавливаю её. Прошу доктора послушать маму. Он входит в дом, прослушивает маму, но поздно... Мамы не стало. Это произошло утром 11 марта 1943 года, и я не плачу, нет слёз. Бедная наша мамочка, как мало мы для нее сделали... Вся ее жизнь была посвящена нам. Стыдно сказать, мы ни разу не посетили ее могилу. Находили сиюминутные оправдания. Я сам себя простить не могу. Мне осталось ежегодно произносить Кадиш в память о маме. Похоронили мы маму на деревенском православном кладбище в деревне Казаркино Макушинского района Курганской области. Там же похоронена наша бабушка Мэра, умершая на месяц позднее мамы и мой двоюродный братик Изенька Левин, умерший в возрасте 6 лет в сентябре 1942 года. После смерти мамы папе вскоре предложили должность председателя поселкового Совета в соседней деревне. До этого мы в своей деревне переехали в другой дом, свободный от жильцов, кем-то брошенный. Мы его прибрали и стали жить. Я привозил

дрова из леса на санках. Помню, тётя Райха дала мне закваску для теста и я сам пек хлеб в нашей русской печке (муку на что-то обменял).

На новом месте папа не успел поработать, так как к нам приехал Сёма, чтобы перевезти нас в Чкалов (Оренбург). Сёма в то время учился в Оренбургском артиллерийском училище. В тот год в Красной Армии ввели погоны. Он приехал к нам в новой форме с погонами, был первым, кто в тех местах появился в погонах. Нас с ним встречали с уважением, оказывали содействие.

По радио мы узнали, что Красная Армия в феврале 1943 года успешно завершила бой в Сталинградском сражении, окружив 22 немецкие дивизии и взяла в плен большую группу генералов во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Это было очень радостно.

Последние строки я записал пару месяцев назад. Не могу заставить себя постоянно заниматься записками. За прошедшее время о многом передумал, вспомнил какие-то события из далёкого-далёкого детства. Постоянно что-то вспоминается и хочется это записать для тех, кому будет интересно прочитать эти записки. Я подумал, как так получилось, что с началом войны в июне 1941 года, когда мы вынуждены были бежать из Жлобина. Наши родители никоим образом не обсудили случившиеся события со своими родными братьями и сёстрами. Все разбежались по своим возможностям куда глаза глядят, не зная ничего друг о друге. А ведь в те дни в Жлобине кроме нашей семьи проживала семья тёти Райхи с дядей Гдалей (её мужем) и детьми Сёмой (18 лет) и Софой (12 лет). Семья дяди Лёвы с его женой Итой и её глухонемой сестрой Стысей, а также детей Фимой (9 лет) и глухонемым Изей (6 лет). С ними проживала и бабушка Мэра (около 70 лет). У моего папы была возможность достать лошадь с телегой, что помогло нам срочно уехать из города за Днепр в сторону Гомеля. А каким образом смогли бежать из Жлобина семьи родных, мы не знали. Но первыми до Сибири в Курганскую область добралась семья дяди Лёвы. Каким образом мы узнали их место пребывания я не знаю. Но это факт, что мы устремились в то же место из-за Лёвы. Семья тёти Райхи тоже приехала в Сибирь в то же место – деревню Казаркино Макушинского района. Дядя Лёва устроился там работать каким-то начальником в сельской потребкооперации. Они занимали отдельный дом, еда у них была. Бабушка Мэра проживала вместе с ними. Любопытно, что ни я, никто из нашей семьи в доме дяди Лёвы не побывали. По крайней мере я этого не помню. Но совершенно точно, что нам от них не перепало ни кусочка хлеба, никакой еды, никакой помощи. В то же время я хорошо помню, как дядя Лёва поехал на лошадиной упряжке в командировку в райцентр Макушина и взял с собой меня. Там вечером был устроен ужин с его сотрудниками. И я очень вкусно впервые поел вволю. На огромной сковороде была зажарена на сале яичница из большого количества яиц. Мне дали большую порцию с неограниченным количеством хлеба. Это было незабываемо, очень вкусно и обильно. Запомнил это пиршество на всю жизнь. К сожалению, это был один единственный раз.

Вспоминаю я также, что в Жлобине жили наши родственники с маминой стороны. Это её двоюродные братья Залман и Лебе. Оба были кузнецы. У Залмана была жена Хая. Она оставалась жива и в послевоенные годы. У них было три дочки – Фаня, Слава и Люба. Люба была моей ровесницей. Эти люди оставались живы и после войны, мы встречались в Ленинграде в послевоенные годы. Дядя Лебе был тихий незаметный человек, очень скромный. Кто был у него в семье я не знаю. Как сложилась их судьба во время и после войны неизвестно. В живых не остался никто.

Итак, предстояло нам большое путешествие из далекой Сибири в Оренбург (в то время этот город назывался Чкалов). Там находилась в эвакуации наша тётя Бася

Соломоновна Песина. Она сумела попасть туда из блокадного Ленинграда в последние месяцы (ноябрь-декабрь 1941 года) года вместе с нашей сестрой Хаей. Совершить такую поездку в ту пору было очень трудно. Бася отдала за полёт на самолете из Ленинграда все свои ценности и сбережения. Каким-то образом ей удалось получить приличную комнату в центре города площадью метров 17-18. Она приняла нас всех к себе. Брат Сёма в то время учился в Чкаловском артиллерийском зенитном училище. Папа нашел себе работу в сельской местности в системе кинофикации. И вскоре нашёл там себе женщину, в общем, устроился.

Я в Чкалове по объявлению поступил в кулинарное училище, учился на повара. В Чкалове Бася смогла нас как-то содержать. Она работала буфетчицей и имела возможность добывать хлеб чуть больше нормы. Какая-то еда была. Как-то Бася купила на рынке тыкву и нажарила её в большом количестве на подсолнечном масле. Я набросился на эту кашу и съел очень много, до рвоты. Во время учебы на поварских курсах я проходил практику в столовой контрразведки МВД СМЕРШ (смерть шпионам). Видел, как в помещении МВД вели арестованных под дулом пистолета. На практике в столовой я очень хорошо умел печь блины. Мне удавалось прятать несколько блинов в карманах халата и вынести на улицу и передать брату Игорю. Курсы я закончил, но по этой специальности работать не довелось. Надо было получать нормально образование. Напомню, что до войны я окончил 6 классов школы. Следующий учебный год 1941-1942 и 1942-1943 годы в Сталинграде и в деревне Казаркино я школу не посещал, т.к. одежды нормальной и еды не было, было не до школы.

В Чкалове оказались наши земляки из Жлобина – семья Гершуна Бейлина. Их старшая сестра Хая дружила с моей сестрой Хаей. А я дружил с их сыном Яном. Ян в это время учился на первом курсе Николаевского (из гор. Николаева) техникума железнодорожного транспорта, находившегося в эвакуации в Чкалове. Ян посоветовал мне тоже поступать в техникум.

Для этого нужно было иметь документ об окончании 7 классов школы, а я окончил только шесть классов. Выход был найден. В годы войны в Сталинграде Сёма короткое время работал пионервожатым в школе. Летом 1942 года, когда немецкие войска подходили к Волге в р-не Сталинграда началась эвакуация населения и некоторых учреждений, в школе началась паника, документы и разные дела были брошены, мой брат Сёма обнаружил бланки свидетельств об образовании. Он взял пару бланков, принес домой. Каким-то образом эти бланки сохранились у нас. Приехав в Чкалов, я извлек бланк свидетельства об окончании 7 классов. Удачно, что бланк был пуст и имел круглую печать. Мне оставалось проставить приличные оценки по всем указанным там предметам и поставить нужные подписи.

Подав документы в техникум и 1 сентября 1943 года приступил к занятиям на 1 курсе эксплуатационного факультета техникума. Перед этим за 2 месяца до начала занятий я усердно проштудировал школьные учебники по программе за седьмой класс школы и успешно окончил первый курс техникума.

Летом 1944 года город Николаев был освобожден от немецкой оккупации и техникум со всеми студентами эвакуировался в этот город для продолжения учебного процесса. Во время войны здание техникума в Николаеве на Пушкинской улице было разрушено и техникум разместился в приспособленном жилом доме на улице Фалеевская, 24. Там же находилось общежитие. Я с двумя моими друзьями Мишей Портным (из Жлобина) и Эммануилом (Мусей) Фридантом (из Одессы) жили втроем коммуной. Складывались деньгами, делали закупки, варили какую-то еду.



Миша Портной после войны жил в Калининградской (бывший Кенигсберг) области. В последствии с семьей переехал в гор. Ашдод (Израиль). Я встречался с Мишей в Израиле. Несколько лет назад он умер. Муся Фридант жил с мамой в Одессе на ул. Баранова, 8. Мы с ним много-много лет назад переписывались. У меня сохранилась одна открытка от него. Фридант, к сожалению, умер очень молодым - до 30 лет. С Яном Бейлиным мы одновременно жили в Ленинграде, бывали друг у друга, вместе работали на Октябрьской железной дороге. В 90-е годы он с семьей уехал в Израиль, где и умер.

Окончив в Николаеве второй курс техникума в 1945 году я решил перевестись для продолжения учебы в Ленинградский техникум ж.-д. транспорта им. Дзержинского. Надо отметить, что весть об окончании войны застала меня в Николаеве. Вечером 8 мая 1945 года мы в техникуме в общежитии вместе с нашим завучем Борисом Лопатко по его радиоприёмнику слушали радио-информацию об окончании войны. Назавтра, 9 мая колонна нашего техникума маршировала на праздничную демонстрацию и пели хором песню «Эх, махорочка, махорка...». Я послал поздравительную телеграмму папе в Чкалов с Днем Победы. В тот день в общежитии я выпил впервые в жизни свой первый стакан водки (самогонка с рынка). А было мне 18 лет. В эти дни я получил от Хаи поздравление на рукодельной открытке. Она была в армии.

Сейчас, спустя много десятилетий, вспоминаю свой первый студенческий год, прожитый в Николаеве. Город живописно расположился на берегу Южного Буга. Летом 1944 года мы много купались в этой реке. В нашей группе были студенты из разных городов Советского Союза, оказавшихся в Чкалове в результате войны из-за оккупации их родных мест.

Жили мы дружно, помогали друг другу. Среди нас был Андрей Старостин из Чкалова, Фридант Эммануил из Одессы, Кира Кундель (очень красивая девочка) из Украины, Саша Кириевский из Москвы, Миша Портной и Ян Бейлин – жлобинские. Очень многих я забыл, ведь прошло больше 70 лет, было мне 18 лет, а сегодня больше 88.

Следующий период моей жизни связан с Ленинградом. Как я оказался в Ленинграде? Попасть в Ленинград было очень трудно. Город был закрыт для свободного въезда. Надо было получить в органах МВД (Министерство Внутренних Дел) специальный пропуск. Дело было летом 1945 года. Мой старший брат Сёма проходил военную службу после окончания Чкаловского зенитно-артиллерийского училища в Одессе (на территории морского порта). Он в составе артиллерийского подразделения охранял небо Одессы (зенитчик).

Сёма получил очередной отпуск и решил поехать в Ленинград к Басе. Я не стал подавать документы на получение пропуска, т.к. не было времени сделать это срочно. У себя в техникуме я получил все документы для перевода в Ленинградский техникум (аттестат и согласие на мой перевод в Ленинград). И мы с Сёмой выехали в Ленинград прямым поездом из Одессы. Поездка эта была ужасной. Поезд был просто забит пассажирами. У нас были служебные проездные билеты (у Сёмы – военный, у меня – специальный для железнодорожников). Были ли билеты у других людей – не знаю. В вагон мы не вошли, а вбились. Первую ночь ехали стоя, прижатые друг к другу. Впоследствии удалось улечься на третью (багажную) полку.

На подъезде к Ленинграду в поезд вошёл военный патруль дал проверки документов. Меня стащили с моей третьей полки и обнаружили отсутствие у меня пропуска в Ленинград. В сопровождении вооруженных военных меня повели в штабной вагон. Сёма в

военной форме меня сопровождал. В штабном вагоне старший начальник, проверив мой паспорт и другие документы из техникума, разрешил мне ехать до Ленинграда. На мое счастье в Ленинградском техникуме руководители были очень хорошие люди – евреи – завуч Марк Евсеевич Альперт и начальник отделения Борис Михайлович Лишанский. Они дали согласие на мой прием в техникум и дали подтверждение о предоставлении мне места в общежитии техникума на ул. Дзержинского, 60. Это дало мне право на прописку в Ленинграде. А ведь без прописки проживание в Ленинграде было бы невозможно. Большое спасибо Марку Евсеевичу и Борису Михайловичу за их поддержку! Помню об этом всю жизнь!

Фактически в общежитии я, конечно, не жил. Меня приютила наша тётя Бася. Бася каким-то чудом получила небольшую комнату в коммунальной квартире в Басковом пер. дом 26 на четвертом этаже, без лифта, с печным отоплением. Эта комната была частью большой комнаты, отгороженной фанерной перегородкой. Узенькая длинная комната площадью метров 12. В эту же комнату приехала после демобилизации из армии моя сестра Хая. Было это уже в 1946 году. После окончания войны с Германией Хая со своим полком связи была отправлена на войну с Японией, которая завершилась в сентябре 1945 года, а в начале 1946 года она приехала в Ленинград. Хая привезла с фронта трофеи – халат банный и фарфоровую пепельницу. Зато мне досталась ее военная гимнастерка с выточками на груди. У Хай были военные награды: медаль «За Боевые Заслуги», «За оборону Ленинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За Победу над Германией», «За Победу над Японией» и Орден Отечественной Войны.

Хая восстановилась на 4-ом курсе Университета, в котором она всегда, как и в школе, была отличницей. После блестящей сдачи гос. экзаменов ученый Совет факультета рекомендовал её, как отличницу, для продолжения учебы в аспирантуру, однако Министерство Высшего образования её кандидатуру не утвердило. Права евреев в то время были ограничены. По этой же причине пострадали и мои братья. Сёма, проходя успешно военную службу, закончил заочно вечернюю школу-десятилетку с серебряной медалью, что давало ему право поступить в академию без экзаменов. Он и подал где-то году в 1949 заявление на поступление в Ленинградскую Военно-медицинскую Академию. Считалось, что он поступит в эту Академию без экзаменов. Так все и шло. Но перед последним актом зачисления в Академию состоялась мандатная комиссия. Это по существу цензурный орган. И эта комиссия заявила, что он не может быть принят в Академию без объяснения причин.

Так же произошло с братом Игорем. Он после окончания Томского артиллерийского училища как отличный офицер был оставлен на службе в училище. Постоянно отмечался по службе, был избран депутатом райсовета, имел самые хорошие боевые характеристики. Он дважды подавал рапорт о поступлении в Ленинградскую Артиллерийскую Академию. И дважды ему отказали. Впоследствии он успешно окончил Томский Педагогический Институт заочно.

Я окончил свой железнодорожный техникум с отличием в 1948 году. Меня направили в распоряжение Ленинградской железной дороги. В то время в Ленинграде находились два управления железных дорог – Октябрьской ж.-д. на площади Островского, дом 2 (угол улицы Зодчего Росси) и Ленинградской ж.-д. (на набережной реки Фонтанки, дом 117).

Поначалу я пошёл в управление Ленинградской, но там мне ничего не предложили, и я пошел на площадь Островского, 2. Я обратился в отдел кадров грузовой службы. Начальником отдела кадров там была Сысоева Анна Артемьевна. Очень добрая женщина.

Она душевно со мной побеседовала и поинтересовалась знаком ли я с комсомольской работой, на что я ответил на свое активное участие в этой работе в техникуме. Она мне сообщила, что в управлении дороги есть Комсомольская организация, но у нее нет секретаря. Анна Артемьевна, предварительно позвонив, послала меня к секретарю парткома Управления дороги Попову Антонину Александровичу. Попов на вид был строг и суров, напоминал строгого директора школы. Он меня порасспрашивал и сказал, что готов предложить меня на пост секретаря комсомольской организации. Работа эта не освобожденная. Мне предложила А.А. Сысоева должность инженера по перевозкам скоропортящихся грузов в грузовой службе. Вскоре на комсомольском собрании меня избрали и секретарем Комитета Комсомола. В организации было всего около 20 комсомольцев. И все девочки. Многие старше меня. А мне был 21 год. Мы относились к Куйбышевскому району г. Ленинграда. Райком находился на Невском проспекте у Аничкова моста (в бывшем дворце князей Белосельских-Белозерских). Секретарем Комитета Комсомола я пробыл 7 лет.

В Комсомол я поступил еще в 1943 году, учась в ж.-д. техникуме в Чкалове. Вспоминается, что через год после поступления в Комсомол я умудрился потерять комсомольский билет, без наказания. В партию я вступил в 1951 году. Рекомендацию в партию мне дал мой начальник отдела Якуб Антонович Азамаев и райком комсомола. Я был горд и счастлив. В то время секретарем Куйбышевского райкома ВКП(б) была Антошкина, а до нее – Вознесенская – сестра члена Политбюро ЦК ВКП(б) Вознесенского – расстрелянного по «Ленинградскому делу». Во время моей работы секретарем комитета Комсомола в Управлении дороги меня избрали на районной конференции членом райкома, а на пленуме райкома – членом бюро Куйбышевского райкома ВЛКСМ. Целых 5 лет я был членом бюро райкома. Это мне очень льстило. Я был очень честолюбив.

Избирался я и делегатом городской комсомольской конференции. На одной из них, помню, участвовал первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов. Присутствовали также секретари обкома КПСС Толстиков и Романов, секретарь обкома ВЛКСМ Чернецов, тоже оужденный по «Ленинградскому делу».

Я был дружен по комсомольской работе с Черняковой Галиной Михайловной, долгие годы работавшей директором Ленинградского Дворца Пионеров. Моя работа в комсомоле вызывает у меня самые добрые воспоминания.

Я упустил сообщить, что во время моей комсомольской работы мне нужно было получить какую-то должность для получения заработной платы. Работа в комсомоле – это общественная работа. Мне предоставили необычную работу. В то далекое время (1948-1949 годы) в Ленинграде строилась детская железная дорога – малая Октябрьская. Она строилась от станции Шувалово в сторону Озерков. Было на ней три станции. Инициатором строительства этой детской ж.-д. дороги был Синявский Адольф Петрович. Еще в довоенные годы он активно занимался идеей ее сооружения. Обращался с письмами к самому наркому путей сообщения Л.М. Когановичу. После войны было принято положительное решение и дорога была построена. Меня назначили старшим инженером этой дороги по службе организации движения поездов. Я разработал ТРА (технико-распорядительные акты этих станций). Синявский был назначен первым начальником этой дороги. Я с ним впервые в жизни выезжал в командировку в МПС в Москву. Выезжал в Таллин, где договорился о передаче нам паровозов узкой колеи. Был на открытии этой дороги в 1949 году.

Вся моя практическая трудовая деятельность связана с одной организацией – Управлением Октябрьской железной дороги. Здесь я проработал всю свою жизнь – с декабря 1948 по 1989 год, плюс еще 6 лет в Ленжелдорпроекте. Всего 47 лет. А в Ленинграде я прожил всего 50 лет.

Работая в управлении железной дороги я продолжил учебу в Ленинградском институте ж.-д. транспорта им. академика Образцова. В 1948 году я поступил на вечернее отделение строительного факультета ЛИИЖТ и защитил диплом в июне 1953 года, получив звание инженера путей сообщения-строителя. Учиться было трудно, но я справился. Могу собой гордиться. Все дети в нашей семье получили высшее образование: Хая – в ЛГУ, Сёма – в Академии Связи, я – Железнодорожный Институт, Игорь – пед. институт.

Не скрою, на работе я пользовался заметным авторитетом. Я сотрудничал активно с Министерством путей сообщения, Министерством транспортного строительства, часто бывал в Москве в этих министерствах и мог решать очень важные вопросы. Представлял железную дорогу на совещаниях в Ленгорисполкоме, Леноблисполкоме, в разных других организациях. Горжусь тем, что был награжден Ленинской юбилейной медалью, знаком «Почетному железнодорожнику» и другими знаками МПС. Бывал я в Госплане СССР – высшем плановом органе страны, участвовал там в переговорах с руководством. Закончил я свою работу в управлении дороги в должности заместителя начальника экономической службы. Находясь на пенсии проработал в должности главного специалиста проектного института Ленжелдорпроект 6 лет до лета 1995 года, а затем пенсия и эмиграция в Германию.

В Ленинграде я прожил 50 лет, то есть все годы, начиная с 1945 года – года окончания войны. И вся моя трудовая деятельность связана с Управлением Октябрьской железной дороги. Ленинград и работа на железной дороге – это вся моя жизнь. Нет в мире города, сравнимого с Ленинградом. Это волшебный город. Самое сладкое – это воспоминания о жизни в этом любимом городе. Какое счастье, что наша тётя Бася приютила меня в своём доме. Бася самоотверженно любила всех нас, не жалея для нас ничего, ни своего здоровья, ни своих сбережений. Она для нас, как и мама, святая женщина. Посвящая всю свою жизнь нам, она не создала свою семью, так и не вышла замуж. Бывали у нее какие-то кавалеры. Но ее всегда беспокоила только забота о нас. Когда где-то году в 1952, когда Хая с семьёй проживала в Калининграде (бывший Кёнигсберг), у нее случилось большое несчастье. Её 5-летняя дочь Леночка потянула провод включенной электроплитки, на которой кипел суп. Леночка этой кипящей жидкостью обварила значительную часть тела – животик, ножки, ручки. Она испытала неопишумые боли. Бася бросила работу и помчалась в Калининград. Более полутора месяцев Бася неотлучно была при Леночке. Слав Богу, врачи и Бася спасли ребенка.

Примерно в начале 50-х годов папу в Жлобине во время его работы в кинофикации привлекли к уголовной ответственности за какое-то надуманное финансовое нарушение. А мы в то время (я, Игорь и Хая) были членами коммунистической партии. И это грозило всем нам неприятностями. И в этом случае наша Бася помчалась в Жлобин и в областной центр Гомель спасать папу от тюрьмы. И все у нее получилось с помощью нанятого адвоката – папу освободили. Надо при этом помнить, что Бася папу не любила.

Настало время рассказать о послевоенной жизни моей, моих братьев и сестры. Рассказ веду по старшинству. Прежде всего о моей старшей сестре Хае. Для чужих людей она звалась Анна Наумовна. Так её звали и ученики на её школьной работе. Хая с детства была любимицей родителей и братьев. Она была внешне очень привлекательна, с голубыми

глазами, с шикарной длинной косой светлых волос. Она в школьные годы очень дружила со своим двоюродным братом Хаимом Симкиным – сыном нашей тёти Райхи. Они были погодки. Хаим перед войной был призван в Красную Армию и служил где-то в Казахстане. С первых дней войны он оказался на фронте и в звании лейтенанта погиб в 1943 году. Хая родилась в Жлобине 18 декабря 1920 года. Хая в 1938 году окончила железнодорожную школу и как отличница учебы без экзаменов поступила на филологический факультет Ленинградского университета. После третьего курса произошла реорганизация университета. После поступления в университет Хая короткое время жила у Баси на Подольской улице. Позднее она устроилась проживать в студенческом общежитии университета на Васильевском острове.

С началом войны 22 июня 1941 года Бася с Хаей оставались в Ленинграде, никуда не решились уехать. Блокада Ленинграда началась 8 сентября 1941 года. В течение трех блокадных месяцев Бася и Хая оставались в блокированном городе и полностью испытали ужасы блокады – холод и голод. Надо было найти возможность выехать из окружённого города. Бася смогла найти возможность вылететь. Бася отдала за эту возможность все свои сбережения и ценные вещи и в конце ноября - начале декабря 1941 года им удалось вылететь самолетом на Большую Землю, и в начале 1942 года они оказались в городе Чкалове (ныне Оренбург). Удалось спастись от верной гибели!

Блокада Ленинграда была прорвана в середине января 1943 года. Наша семья (родители и я с Изей) в это время находились в эвакуации в Сибири.

Хая с Басей после вылета из блокадного Ленинграда основались в городе Чкалове (Оренбурге). Получили от городских властей для проживания небольшую комнату в коммунальной квартире с Матросском переулке города Чкалова. Устроились там на работу. Но в скором времени Хаю призвали в Красную армию. Было это в феврале 1942 года. На специальных курсах она получила профессию телеграфистки на аппарате Бодо. Это клавишный аппарат. После окончания курсов она была направлена в 30-ый полк связи, воевавший на Ленинградском фронте. Её полк связи участвовал в боевых действиях Ленинградского, Карельского и Волховского фронтов. Моя дорогая сестра награждена орденом «Отечественной войны», медалью «За боевые заслуги», медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией», «За победу над Японией». В звании «младший сержант» Хая закончила войну в Японии в сентябре 1945 года, а в начале 1946 года возвратилась в Ленинград демобилизованной. Мне досталась для донашивания её армейская гимнастерка с выточками на груди, которую я носил во время учебы в техникуме. Других рубашек у меня не было.

После демобилизации Хая восстановилась для продолжения учебы на 4-ом курсе Ленинградского университета. Поселилась она в комнате вместе с нами с Басей. Как говорится, в тесноте, да не в обиде. Хая окончила Университет в 1948 году. С красным дипломом (круглая отличница) и была рекомендована учёным советом кафедры для продолжения учебы в аспирантуре. Однако Министерство Высшего образования её кандидатуру в аспирантуру не утвердило. Это было понятно – в те далёкие годы евреев не допускали в аспирантуру. Надо было самой искать работу, устраивать свою личную жизнь. Хая была очень привлекательна. Мы – братья – очень гордились своей сестрой. Были у нее временами поклонники. Но и Бог помог. Он послал ей отличного человека. В Ленинградских компаниях ей повстречался очень хороший человек, наш земляк из Жлобина Вольфсон Зяма (Зиновий Исаакович). Зяма был кадровым военным – майором войск МВД (Министерство внутренних войск). Он служил замполитом в подразделении по

охране объектов Государственной важности. Зяма был необыкновенный человек: очень добрый, кристально честный, внимательный, любящий, щедрый и симпатичный. Они с Хаяй поженились в мае 1947 года. А 29 декабря 1949 года у них родилась замечательная девочка Леночка. Её назвали в честь нашей мамы Леи. Леночка стала нашей первой племянницей и всеобщей любимицей. После женитьбы Хае с Зямой потребовалось своё жильё. Зяма был жених без своей площади. Снова помогла Бася. Через своих многочисленных знакомых она смогла найти для них не очень привлекательную комнату на улице Полозова на Петроградской стороне, выходящей на Большой проспект. Оформить приобретение этой комнаты было очень сложно и дорого. Но Бася смогла. Леночка в этой комнате на 5-ом чердачном этаже (без лифта) совершила свои первые шаги. Оттуда Хая с семьей примерно в 1950 году переехала к новому месту службы Зямы – в город Калининград (бывший немецкий Кёнигсберг). Хая все годы проживания в этом городе работала учителем русского языка и литературы в местном техникуме. А Зяма нёс свою службу в войсках МВД. В Калининграде Хая и Зяма с Леночкой прожили около 4 лет, а затем вернулись в Ленинград. Зяма к тому времени демобилизовался из Армии и устроился работать в специальное конструкторское бюро судостроения начальником хозяйственного отдела и транспорта.

Я помог Хае устроиться учителем русского языка и литературы в вечернюю железнодорожную школу в районе Варшавского вокзала в Ленинграде. В этой школе Хая проработала до ухода на пенсию в конце 1989 года. В этой же школе Леночка получила аттестат зрелости.

Пока Хая с семьей находилась в Калининграде Басе удалось найти хороший обмен нашей комнаты в Басковом пер, 26 (Басина комната) и чердачной комнаты на ул. Полозова (комната Хаи) на три сугубо смежные комнаты в коммунальной квартире на Невском проспекте, дом 90-92. Там мы получили 3 сугубо смежные проходные комнаты. В тупиковой комнате поселилась Бася, в средней проходной – я, а в первой, тоже проходной – брат Сёма, который в то время учился в Академии Связи.

Когда семья Хаи вернулась в Ленинград из Калининграда, Леночка разместилась в одной комнате с Басей, а Хая с Зямой жили в первой от входа комнате. Сёма к их возвращению окончил академию и уехал служить в Севастополь.

Из этой квартиры на Невском пр., 90-92 Леночка пошла в 1-ый класс школы 1 сентября 1955 года. Школа находилась на улице Маяковского, вблизи Невского проспекта, очень близко от дома нашего проживания. Леночка проучилась в школе на ул. Маяковского примерно до 4-го класса. В квартире на Невском 92 кроме нас проживали еще 4 семьи, а всего 14-15 жильцов с одним туалетом и общей кухней. Нашей семье в трёх маленьких комнатах было тесно и неудобно. Надо было решать жилищную проблему. Бася нашла очень хороший вариант – вместо наших трёх комнаток нашла две большие комнаты по 25 кв. метров, одна на Петроградской стороне, на ул. Ленина – угол Большого проспекта П.С. в большой коммунальной квартире. В этой комнате поселилась Хая с семьей. Вторая комната, тоже 25 кв. метров – в переулке Антоненко возле Исаакиевской площади, рядом с Ленгорисполкомом (это бывший Мариинский дворец) – там поселились мы с Басей. В эту пору к нам приезжал в отпуск Изя в свои холостяцкие годы. Квартира была большая, в ней жили вместе с нами еще 6 семей, а всего 22 человека с одним туалетом и маленькой ванной комнатой с одним краном для мытья рук. Но жили мы с соседями дружно. В этих комнатах мы прожили по многу лет: семья Хаи 10 лет, а я 12 лет. В 1965 году Хая с Зямой въехали в отдельную 2-х комнатную квартиру на ул. III Интернационала, на 7 этаже. Это была

большая радость для всей нашей семьи. В этот год Леночка успешно окончила школу и поступила на I курс Института целлюлозно-бумажной промышленности, чем тоже нас всех очень обрадовала. Леночка стала инженером-химиком, окончив институт в 1972 году. В 1968 году Леночка вышла замуж за Сеню Гринберга. Сеня Гринберг вырос в интеллигентной семье ленинградцев. Родители его, очень симпатичные люди, были уже на пенсии. Они с радостью приняли Леночку в свою семью. 26 июня 1969 года Леночка родила чудесную девочку Ирочку. Ирочка росла, окруженная любовью своих дедушек и бабушек, а особенно бабушкой Аней (Хаей) и дедушкой Зямой. Она была любимицей своих родителей и всех нас родных дядей и тёток. Ирочка превратилась в красавицу-девочку, которая вскоре вышла замуж за достойного жениха – Гену Ламброзо. Свадьба состоялась в Ленинграде 7 июня 1990 года. К сожалению, я в то время серьезно болел, и не смог попасть на свадьбу. Ирочка с Геной вместе с родителями Леной и Сеней и бабушкой Аней (Хаей) в январе 1991 года отправились в эмиграцию в Израиль. Там у них родились две девочки – Натали и Авиталь. Они все счастливо проживают в своей новой квартире в Ашдоде.

Возвращаюсь к рассказу о Сене Гринберге. Сеня работал в Ленинграде инженером в Конструкторском бюро. Леночку я устроил на работу в химико-технологическую лабораторию локомотивного депо Ленинград-Финляндский. Она там проработала до отъезда в эмиграцию в Израиль. Инициатором отъезда в Израиль был Сеня. Он был обижен на нашу советскую систему. Зарплата инженера была небольшой. На работе его зажимали, не продвигали, несмотря на его успешную работу – он это объяснял своим еврейским происхождением. И это была грустная правда. Отъезд в Израиль состоялся в январе 1991 года. Хая не хотела ехать в эмиграцию, но вынуждена была согласиться с желанием детей. Поначалу они устроились в Израиле не лучшим образом – квартиру нашли в удаленном от городов районе. Очень трудно было найти работу. Нужно было срочно изучать иврит. Постепенно все стало налаживаться. Купили в кредит на 30 лет 3-х комнатную квартиру в городе Ашдоде для Хаи и Лены с Сеней и вторую квартиру для Ирочки - дочери Лены с её мужем Геной.

За прошедшие 25 лет жизни семья Леночки ассимилировалась к местным условиям. Натали успела отлично окончить школу, отслужить два года в Армии Израиля и поступить в очень престижный институт. Авиталь заканчивает учебу в школе. К великому огорчению 30 августа 2006 года после продолжительной болезни умерла моя дорогая сестра Хая. Ей было 85 лет. Мы все очень любили свою сестру. Мне в ту пору удалось вылететь в Израиль и принять участие в похоронах на кладбище в Ашдоде. За прошедшие 25 лет мне довелось 10 раз побывать в Израиле. Я люблю эту святую землю и мечтаю побывать там снова. Леночка несколько лет назад вышла на пенсию и спокойно проживает в своей квартире в Ашдоде.

Теперь настала пора рассказать о семье моего старшего брата Сёмы. Сёма родился 1 июля 1924 года в Жлобине. Учился в нашей русской школе на первомайской улице. Первые 5-6 лет учебы он особо не выделялся, а класса с 6-7 стал учиться очень хорошо. Он был хорошим математиком и отличником учебы в старших классах. Учась в 8-9 классах Сёма писал стихи. Несколько его стихотворений были опубликованы в Жлобинской районной газете «Шлях соцыялізма» («Путь социализма»). К сожалению, эти стихи у нас в семье не сохранились. Когда с началом войны мы бежали из Жлобина, Сёма был с нами до лета 1942 года в Сталинграде. Из Сталинграда мы бежали в августе 1942 года. Сёму с нами не отпустили, так как он был призывного возраста – ему было 18 лет. Но в это тревожное время его в армию не призвали, и он смог с помощью дяди Бенциона несколько позже бежать из города. Он добрался до города Чкалова (Оренбург), где в это время находились Бася и Хая.

Сёма там сразу поступил в Чкаловское артиллерийское училище, по окончании которого его отправили в Одессу. Одесса тогда была прифронтовым городом. Его взвод противовоздушной обороны стоял в одесском морском порту. Они защищали город от воздушных налётов немецких самолетов. Жил он со своими солдатами (это были солдаты-девушки) в землянках. Я навестил Сёму где-то году в 1945 и ночевал в одной из землянок с Сёмой. Примерно в 1945-1946 к Сёме из Чкалова приехал Изя. Они с Сёмой сняли квартиру (комнату) и проживали вместе около двух лет. Потом Изя вернулся в Жлобин, а Сёма, окончив заочно 10-ый класс школы и получив серебряную медаль, поступил без экзаменов примерно в 1947 году в военную Академию Связи им. Будённого в Ленинграде. Проживал Сёма вместе со мной и Басей на Невском проспекте. Часто в нашем доме на Невском проспекте бывали друзья Сёмы по Академии офицеры Сёма Меркин, и Эмка Котляр.

Однажды, на дне рождения у Сёмы Меркина Сёма познакомился с очаровательной девушкой – Галей Шапиро. Она к тому времени окончила юридический факультет Ленинградского университета и работала юрисконсультантом в торговой организации. Галя была там одновременно секретарем комсомольской организации. А я в то время был членом бюро Куйбышевского райкома Комсомола. И на одном из совещаний комсомольского актива в райкоме среди участников рассмотрел Галю Шапиро (по описанию Сёмы). И она мне очень понравилась – очень красивая девочка, яркая брюнетка с горящими глазами. И в 1953 году Сёма сообщил, что решил жениться. Свадьба состоялась там, где жила Галя – в коммунальной квартире на ул. Белинского рядом с Литейным проспектом. Галя жила в одной из комнат этой квартиры вместе с мамой Эсфирь Ароновной и своей старшей сестрой Миной – врачом-эндокринологом. Очень-очень приличные люди. На свадьбе были друзья Сёмы и Гали. С нашей стороны были мы все – Бася, Хая с Зямой и я.

Откровенно говоря, в день свадьбы я расстроился. Мне не хотелось расставаться с любимым братом, я понимал, что он от нас уходит, он уже не наш. Но главное – счастье Сёмы. Они с Галей прожили счастливую, красивую жизнь, родили замечательных детей – Илюшу и Ирочку – преданных и любящих детей. К сожалению, Господь определил им недолгую жизнь, они ушли очень рано, прожив на пенсии очень короткое время. Очень-очень жаль, что их нет с нами...

В год своей свадьбы Сёма окончил учёбу в Академии и получил направление в замечательный город – Севастополь. Поначалу они там столкнулись с трудностями. Квартиру командование не предоставляло. Они ютились в непривлекательных частных квартирах без удобств. Вскоре Галя должна была родить. И она приехала для этого в Ленинград. И 24 октября 1954 года Галя родила нам на радость Илюшу – будущего профессора Тель-Авивского университета. Я встречал их из роддома в Ленинграде. Вскоре Сёме предоставили в Севастополе 1 комнату в коммунальной двухкомнатной квартире. Уже через год я у них побывал, гулял с Илюшей в коляске.

Прерываю свое повествование, так как должен остановиться на весьма важной дате. Сегодня 22 июня 2016 года – 75 лет со дня начала Отечественной войны 1941 года. Переживаю с особой остротой события прошедших лет, военные и послевоенные годы. Война продолжалась 1418 дней и ночей. Страна потеряла около 27 млн. человек, в том числе 18 млн. гражданского населения. В семьях наших бабушек и дедушек мы потеряли 12 родных людей. В эвакуации в 1943 году умерли бабушка Мэра, моя мама Лея, двоюродный братик Изя Левин (сын дяди Лёвы). В Харькове в первый год войны погибла семья брата моей мамы Иче-Доны Песина (4 человека – он, его жена и двое детей – 14 и 6 лет). На фронте погибли 5 моих двоюродных братьев. Годы эвакуации в Сибири были для нас очень



тяжелые – постоянный голод и болезни. Нас спас брат Сёма, который приехал к нам после смерти мамы в марте 1943 года. И сумел перевезти нас – папу и меня с Изей в город Чкалов к Басе. Большое спасибо Сёме – это было не просто. Если бы не Сёма, мы бы не дожили до конца войны. Удивительно, что с тех далеких лет прошло 75 лет, а я еще жив – единственный из всей большой семьи. Напомню, что мне уже 89 лет! Самому не верится. Поэтому взялся за эти записки. Чтобы наши дети знали и помнили о нас и нашей жизни, истории...

Продолжу о Сёме с Галей.

После долгих ожиданий они наконец-то получили отдельную 2-хкомнатную квартиру на северной стороне Севастополя. Это дало возможность всем родственникам отдыхать летом в Севастополе в квартире Сёмы и Гали. Покоя в летнее время они не имели. В последние годы службы Сёмы на Черноморском флоте он получил новую 3-хкомнатную квартиру в Херсоне. Там очень интересные музейные достопримечательности. Недалеко от моря. Я пару раз побывал у них в гостях с Галей и Асей. Это было замечательное время. Отдых там был очень хорошим и радостным.

В первый год моей женитьбы в 1963 году мы с моей женой Галей поехали в свадебное путешествие в Сочи (в мае 1963 года). Оттуда на теплоходе «Россия» мы прибыли в Севастополь к Сёме. А там в это время находились мой папа со своей женой Маней. Встреча была запоминающейся и очень радостной.

10 мая 1965 года Галя родила замечательную дочку Ирочку – умницу, красавицу. Мы с ней очень дружили всю жизнь. Годы проживания семьи Сёмы и Гали в Севастополе – счастливейшие годы в их жизни.

В 1971 году сын Сёмы и Гали Илюша окончил школу и ему надо было поступить в институт. Семья решила, что продолжить свою учебу Илюша должен в Ленинграде. Сёма к тому времени завершил службу на флоте и демобилизовался. Они обменяли свою севастопольскую квартиру на 3-хкомнатную квартиру в Купчино в Ленинграде. Илюша подал документы в Ленинградский университет, но не набрал нужное количество баллов. Я посоветовал ему поступить в мой родной институт – ЛИИЖТ (железнодорожный институт). Илюша там хорошо сдал экзамены и был принят на 1-ый курс электротехнического факультета. Позднее, в 80-ые годы в этот же институт поступили моя дочь Ася Левина и Ира Левина (ещё позднее). Все они успешно окончили этот институт и стали инженерами – как и я, только по другим специальностям.

В декабре 1978 года мы отметили 50-летний юбилей Гали Левиной (жены моего брата Сёмы). Тот год был очень морозный, стоял очень сильный мороз. Это мне запомнилось. Запомнилось так же, что после своего юбилея у Гали обнаружилось начало серьезного заболевания. Постепенно оно начало усиливаться. Это было онкологическое заболевание. Особенно болезнь обострилась в начале 80-х годов. Мой брат Сёма последние годы чувствовал себя неважно. Он много лет страдал от гипертонии. Особо и не лечился. После свадьбы Илюши в сентябре 1976 года он очень разволновался, попал в госпиталь, оказался инсульт. В последующие годы он ещё раз попал в больницу. Он тяжело переживал болезнь Гали. Летом 1985 года Сёма с Галей отдыхали на даче в Рощино. 9 августа 1985 года он купался в местном озере и утонул. И никто не заметил этого. Два дня Илюша с Сеней Гринбергом искали его и, наконец, нашли всплывшее тело. Я полагаю, что у него внезапно остановилось сердце. Похоронен Сёма на еврейском кладбище в Ленинграде.

Примерно в начале 1990 года Илюша решил эмигрировать в Израиль. Они осуществили это желание и 19 апреля 1990 года прибыли в Израиль. Они надеялись, что в Израиле Гале врачи помогут. Но состояние Гали к моменту прибытия в Израиль резко ухудшилось и 4 июня 1990 года Галя скончалась. Ирочка Левина успела прилететь в Израиль и успела побыть с мамой в течение месяца до ее последнего дня – 4.06.1990г.

Забыл сообщить, что в год окончания института Илюша женился на замечательной девочке – своей однокурснице – Лене Орлик. Свадьба Илюши и Лены состоялась 5 сентября 1976 года, а на следующий год у них родился сыночек – Даня. Это произошло 18 сентября 1977 года. Так что в Израиль он прибыл в составе четырех человек, плюс сестра Гали – Мина Шапиро. Дане в ту пору было 12 лет и 7 месяцев. Илюша с Леной и Даней хорошо ассимилировались в Израиле. Илюша стал профессором Тель-Авивского университета, Леночка устроилась на престижную работу, Даня закончил школу, институт, отслужил в армии обороны Израиля, женился на прелестной девочке Юле из хорошей еврейской семьи. У них с Юлей уже трое чудесных детей. Они дали самый большой прирост семьи Левиных.

Ирочка Левина, окончив институт вышла замуж за Серёжу Осипова и эмигрировала с ним в США в 1990 году. Там у них родился 16 ноября 1993 года сын Сёма (Саймон), названный в честь моего брата Сёмы. Ирочка во втором браке замужем за ленинградцем Лёвой Ашкенизи. 23 ноября 2004 года у них родился мальчик Габи (Габриэль). Они живут в собственном доме в окрестностях Нью-Йорка. Успешно работают, все у них хорошо. Ирочка ко мне внимательна, на мой 80-летний юбилей прилетела ко мне в Висбаден. Илюша в этот день тоже ко мне прилетел из Израиля вместе с Леночкой. Спасибо им!

Настало время рассказать о моём младшем брате Изе и о себе.

Изя (Игорь) родился 6 августа 1930 года. Его детские годы пришлось на суровые годы начала войны. К началу войны ему было всего десять лет, шел одиннадцатый. Несколько мне помнится, он не посещал детский сад, не успел побывать ни в одном пионерском лагере. Мы, все братья, учились в одной школе №2 на Первомайской улице. Директором школы был математик Ривкин Хацкель Янкелевич, учитель физики – Ерофеев Александр Фомич, учительница географии – Блюма Наумовна (фамилии не помню) и другие. Начал писать и вспоминать об Изе и разволновался, глаза стали мокнуть. Мы все – сестра и братья, очень любили друг друга, были постоянно на связи и всегда переживали друг за друга. Изя был самый младший и ему меньше всех досталось мирной довоенной жизни. Очень трудными были для него все военные годы в эвакуации в Сибири, затем в Оренбурге (Чкалове), после войны он несколько лет жил с папой в Жлобине в стесненных условиях на частных квартирах, всюду испытывая недостаток питания, одежды, мамы. Сердце сжимается от боли, когда я вспоминаю о его страданиях. Боже, дай мне силы и время рассказать как можно больше об Изе и о себе.

Когда Сёма окончил Оренбургское артиллерийское училище его направили служить в Одессу (я уже писал об этом выше). Так как Изе в Жлобине жилось нерадостно, он решил переехать к Сёме в Одессу, где жил с ним на съёмной квартире и экономично вёл хозяйство. Прожил он вместе с Сёмой около двух лет, а затем вернулся в Жлобин, окончил 7-ой класс школы и по собственному решению поступил в Минское подготовительное Артиллерийское училище, находившееся недалеко от областного центра – города Гомеля.

Во время его учебы в училище там произошла драка между курсантами. Это было коллективное нарушение дисциплины. Изя во время этих событий находился в том же помещении. Его необоснованно обвинили в участии в драке и поставили вопрос о его

наказании. Я срочно выехал в Гомель, чтобы как-то защитить его. В то время у нас – железнодорожников была введена форма обмундирования с погонами. Я нарядился в черную форменную шинель с погонами и двумя маленькими звёздочками и прибыл в его училище. Переговорил с кем-то из начальства и все обошлось. На следующий год Изя переехал в Ленинград с переводом в Ленинградское подготовительное военное училище, которое находилось на ул. Решетникова, недалеко от рынка. Он имел возможность на время увольнительных выходных приходить к нам с Басей и Хаем в Басков переулок. Он был (по секрету) на Басю обижен за то, что она не поселила его у себя. Но там не было места – комнатка маленькая, а нас там было уже трое – Бася, Хая и я. Даже табуретку не было куда поставить. Это и для нас всех было переживанием. Изя в составе училища принял участие в военном параде на Дворцовой площади в Ленинграде. Это было примерно в 1948 году, точно не помню. Он был великолепен в военной форме. По окончании подготовительного училища ему предстояло поступить в офицерское артиллерийское училище. Таких в Ленинграде было несколько. Но за несколько месяцев до сдачи выпускных экзаменов произошел конфликт у Изи с его офицером-командиром. Человек этот был очень вредным. И Изя перед началом одного из занятий подставил к его столу стул со сломанной ножкой. Гадкий поступок! Офицер упал.

- Кто это сделал? - спросил командир. Изя, как честный человек ответил: «Я!»

Офицер, естественно, рассердился и сказал ему: «Ты об этом пожалеешь!» И когда после выпускных экзаменов стали распределять курсантов по военным училищам, нашего Игоря Левина распределили в Томское артиллерийское училище, которое он блестяще окончил. Был отличным курсантом. Избирался депутатом районного совета одного из районов Томска. Был оставлен на службе в училище. Стал одним из лучших командиров взвода. Часто поощрялся командованием. Он полюбил свою профессию, город Томск. Вспоминаю, что до службы в училище, его сначала послали в воинскую часть в город Ишим, командиром взвода. Солдаты там были из глухих мест – казахи, киргизы, узбеки, не знавшие русского языка. Они воровали имущество (постельное бельё, форму и др.) и продавали ее местному населению. А Игорю приходилось оплачивать стоимость обнаруженных при проверке хищений.

В основном большая часть службы брата прошла в Сибирском военном округе, в городе Томске. Как я писал выше, две попытки поступить в военную академию у Изи не осуществились. Пришлось получить гражданское высшее образование. Игорь поступил на заочное отделение Томского педагогического института и успешно его закончил, получив диплом педагога. Последние годы службы он провел, работая преподавателем военной кафедры Томского политехнического института. Какое-то время в эти годы Изя жил и работал в Новосибирске.

Конец 50-х годов и начало 60-х годов были в жизни Изи более стабильными и спокойными. Судя по его письмам жизнь у него наладилась. Настроение улучшилось, были успехи и на службе, ежегодно мы встречались. Отпуска он проводил с нами в Ленинграде, или мы вместе отдыхали в Жлобине у папы, или у Сёмы в Севастополе. Налаживалась и личная жизнь. В декабре 1969 года мы получили от Изи письмо от 13 декабря 1969 года. Это письмо у меня сохранилось. «Я женился» - сообщает Игорь. «Случилось это вчера, её зовут Люся Тарасова». Какое радостное событие! Наконец-то у Изи будет семья! Это замечательно. Они с Люсей знакомы несколько лет, они вместе учились и окончили одновременно пединститут в Томске. Я к этому времени уже был женат шесть лет, столько же было нашей Асюты.

В следующем, 1970, Игорь привёз Люсю в Ленинград, мы познакомились. Люся нам очень понравилась. Красивая, образованная, умная, влюблённая в нашего брата. С этих пор у моего любимого младшего брата началась счастливая семейная жизнь. У меня на душе, наконец-то, стало спокойно – брат в полном порядке! У брата началась совсем другая жизнь. Он буквально ожил, у него стало постоянно хорошее настроение, письма были от него оптимистичные, радостные. Со временем Игорь с Люсей получили хорошую 3-х комнатную квартиру в Томске. Стали ждать детей. И пришли нам радостные известия: 11 декабря 1972 года родилась чудесная девочка Наташа, а за ней 16 марта 1974 года поспешил мальчик – Алёша. Как был рад Игорь! Как была рада Люся! А как были рады мы все – Левины, Вольфсоны и Гринберги!!

К сожалению, в те годы в Томске, как и во всем Советском Союзе, были большие трудности с продуктами питания, одеждой, бытовой техникой и многим-многом другим. Всё было в дефиците, за всем стояли большие очереди. В Москве и Ленинграде было полегче. К тому же у нас в Ленинграде была возможность достать «дефициты». Изя многие годы был главным добытчиком, выстаивал в очередях за едой, бывая в командировках привозил кое-что из других городов. Когда он приезжал к нам в Ленинград, мы его загружали продуктами, посылали в Томск посылки. А как радовались Игорь и Люся, когда удавалось достать для детей приличную одежду, деликатесы! Изя обожал свою семью, он был замечательный семьянин. Для него дети – это самое главное в жизни. А как он старался нарядить Люсю! Каждое лето они старались интересно провести отпуск с детьми: где-то в Казахстане, в Сочи, в Крыму, в Ленинграде, в других местах.

Теперь я иногда думаю, как хорошо, что зловерный командир когда-то заслал Игоря учиться в Томское училище, в город, где он нашел своё счастье. Божий промысел!

В начале 90-х годов нам с Гулей посчастливилось побывать в Томске у Игоря с Люсей. Мы пробыли там около недели. Какие это были радостные дни! К тому времени они там получили письмо от нашего племянника Илюши Левина из Израиля. Илюша рассказывал о своём житье-бытье в Израиле и настоятельно советовал Изе последовать его примеру и тоже переехать в Израиль. Мы в то время еще не были готовы к такой акции и никаких решений не высказали. Ну, а позднее, стали задумываться на эту тему. Однако, потом случилось то, что случилось. Наташа и Алёша заинтересовались предложением Илюши и в конце концов пришли к революционному решению - ехать! И процесс пошёл! Стали собираться в дорогу.

В ноябре 1994 года Игорь и Люся отправились в Израиль самолётом через Москву. Мы с Гулей отправились в Москву, чтобы проводить брата в далёкий Израиль. Они поселились в городе Бат-Ям в одном доме с Илюшей. Уже в апреле 1995 года я вместе с Гулей вылетели в Бат-Ям. Это был наш первый визит на Святую землю. В первый же день состоялась наша встреча со всеми родными и друзьями на квартире Илюши. В этой же квартире мы отметили мой 68 год рождения.

Изя и Люся несколько лет в Израиле напряженно работали – были заняты тяжелым физическим трудом в частном издательстве. Без дополнительного заработка трудно было прожить. Дети поступили на курсы и тоже находили возможность заработать немного денег. Через какое-то время Наташа вышла замуж, Алёша тоже женился. Наташа вырастила отличного мальчика Юваля, который родился 4 марта 1997 года, а сегодня уже он солдат Армии обороны Израиля. У Алёши с его женой Леной родились чудесные дети – Данечка (26.10 2003 года) и Мишель (13.02.2009 года). Алёша получил в Израиле высшее образование, успешно работает одним из руководителей в американско-израильской фирме.

Несколько лет назад купил большую удобную квартиру в районе Тель-Авива. Я горжусь Алёшей, он добился больших успехов. Наташа тоже работает и снимает квартиру в Иерусалиме. Наташа красавица, прекрасная хозяйка, очень родственная.

В 2012 году случилась большая беда – после тяжелой и продолжительной болезни скончался Игорь на 82-м году жизни.

Мы с Гулей вылетели в Израиль и участвовали в похоронах Игоря на кладбище в Иерусалиме. Люся живет в Иерусалиме. Дети проявляют к ней постоянную заботу и внимание. А Люся очень много времени занимается с внуками. Солдат Юваль постоянно навещает любимую бабушку – при каждом своём увольнении со службы. Люся с Игорем много раз посещали нас в Висбадене, мы вместе ездили в Париж, отдыхали в Чехии в Карловых Варах. Уже после смерти Игоря мы дважды были в Израиле, и, конечно, посетили родные могилы. Хотелось бы ещё и ещё побывать в Израиле, но мои дети не очень верят в мои возможности и оберегают меня от дальних поездок. А я всё же надеюсь... Мечтать не запрещается.

Мне осталось рассказать кратко о себе самом, добавить к тому, что сказано выше. Надо рассказать о себе и о нас с Гулечкой, о совместной жизни. Как-никак, а мы вместе уже около 54 лет (!!!).

Я уже сообщал, что родился 11 апреля 1927 года в городе Жлобине в нормальной еврейской семье. У нас были замечательные, любящие нас родители. Повторюсь, что наши папа и мама поженились по большой любви. Иначе нас могло бы и не быть. Мама наша всю жизнь занималась семьёй, домом, воспитанием четырёх детей. Так было принято во всех еврейских семьях. Папа работал, зарабатывал на жизнь. Чем он занимался, какую работу выполнял в моём раннем детстве я не знаю, никогда этим не интересовался, и никого не расспрашивал.

А когда заинтересовался этими вопросами, спрашивать было некого. Где-то с 8-10-летнего возраста помню, что папа работал в Жлобине директором бани, потом много лет – до 1938 года – директором кинотеатра им. Будённого и заведующим районного отделения. В 1938 году после избрания его депутатом Жлобинского городского Совета депутатов трудящихся, он стал секретарем этого Совета. Первое лицо горсовета – это его председатель. По современным понятиям должность папы – это заместитель мэра. В этой должности его и застало начало войны 1941 – 1945 годов.

Мне помнится из детства несколько лет проживания в доме бабушки на ул. Леккерта. В большом доме бабушки на нашу семью из 6 человек была выделена одна небольшая комната с одним окном в огород. Как мы там размещались – не помню. Отчетливо помню себя в возрасте 3-4 лет стоящим и орущим в детской плетеной кровати. Что-то у меня болело, и я горько и долго плакал. Помню, как в огороде дядя Лёва (младший брат папы) посадил деревца яблони и когда там появились первые плоды он ревниво их охранял. А мне очень хотелось сорвать яблоко. Не получилось.

Помню себя примерно в 9-10 лет. Мы уже жили в своем доме на ул. Карла Маркса, 19. С помощью Баси родители откупили половину дома у столяра Юды Кременя. У нас был малюсенький участок земли под огород. Тут же был бревенчатый сарай для коровы. Была у нас корова Марта, которая обеспечивала наши потребности в молоке (опять повтор, извините!). Мама делала сметану, из сметаны с помощью ручной маслобойки сбивалось сливочное масло. Пришло время и Марту по какой-то причине пришлось забить, а мясо продать на базаре. В магазинах в то далекое время было очень мало продуктов питания – в

основном хлеб и керосин, сахар и подсолнечное масло. Картошку сажали сами, ее хватало надолго. Все другие необходимые продукты – мясо, молочные продукты, овощи и фрукты – покупали на рынке, находившемся до войны в центре города возле Днепра. После войны рынок расположился вблизи ж.-д. вокзала, далеко от центра.

В школу я пошел в 8 лет. Учился хорошо, в 4-6 классах был отличником учебы и даже получил похвальные грамоты, но не за счет особых способностей, а благодаря усидчивости и добросовестного отношения к учебе и честолюбию. Вот наша старшая сестра Хая всегда училась очень хорошо. Она и Сёма были настоящими отличниками. Школа гордилась моими братом и сестрой. Надо заметить, что мы все братья и сестра всегда были дружны с детства и до самой старости. Между нами никогда не возникало никаких конфликтов и разногласий. Мы уважали и чтити своих родителей, не причиняли им особых огорчений. В послевоенные годы, когда папа жил в Жлобине, мы все его постоянно посещали, оказывали необходимую помощь. Папа приезжал к нам в Ленинград, к Сёме в Севастополь. У меня сохранилось несколько писем от папы из Жлобина.

Наши детские годы в Жлобине незабываемы. Несмотря на ограниченные возможности все-таки мы были счастливы, нам было хорошо. У нас было кино, был Днепр, были книги. Мы не скучали, хотя не было телевизоров, театров, заморских экскурсий. Не было у нас радиоприемников. Новости узнавали по радиотрансляции – была в каждом доме радиоточка – примитивный репродуктор. Встречались каждый день со своими друзьями. Мои школьные друзья – Илюша Песин, Сёма Лейфер, Бенья Игольников. Все мы состояли в пионерской организации. Помню свой летних отдых в пионерском лагере в Красном Береге, находившемся в бывшем имении польского князя Паскевича.

Сейчас задумываюсь вот о чём. У нас в Жлобине было много родственников. У бабушки было много детей, внуков. Кто-то из них приезжал иногда в Жлобин – и мои дядья, и тётки, и их дети. Но я не могу вспомнить, чтобы хоть раз все родственники собрались вместе в доме бабушки и провели какое-нибудь семейное общение за одним столом. Не нахожу объяснения этому. В послевоенные годы мы, внуки наших дедов и бабушек, установили нормальные отношения и по возможности устраивали дружеские встречи в Жлобине, в Ленинграде, в Киеве, Томске, Минске и Севастополе – всюду, где жили наши кузины и кузены, братья и сестра. Увы, сейчас уже никого не осталось, кроме автора этих строк. Зато у меня много замечательных племянников и племянниц, в том числе внучатых.

Я уже писал, что с началом войны наше первое пребывание в эвакуации началось в гор. Енакиево на Донбассе. Там мы находились около двух месяцев. Война приближалась к Донбассу, и мы вынуждены были бежать дальше. Почему-то решили ехать в гор. Сталинград. Возможно потому, что там жил старший брат папы Бенцион. В Сталинграде мы прожили ровно один год по июль 1942 г., когда начались бомбардировки этого города. И в июле 1942 г., пробившись на пароход мы по Волге доехали до пристани Сызрань. Оттуда поездом мы направились в Курганскую область. Там в деревне Казаркино жил папин брат Лёва с семьей и бабушкой. В этой деревне мы прожили до смерти мамы в марте 1943 года. Оттуда с помощью Сёмы мы переехали в Оренбург к Басе. Обо всем этом я писал подробно выше. Вынужден повториться. В Оренбурге я прожил год, окончил первый курс ж.-д. техникума и вместе с коллективом этого техникума выехал в город Николаев – к месту нахождения техникума в довоенное время. В Николаеве я окончил второй курс техникума, а затем перевелся на третий курс Ленинградского ж.-д. техникума. В Николаеве я встретил день победы 9 мая 1945 г.

Летом 1945 г. я оказался в Ленинграде, в котором прожил 50 лет – все мои молодые годы, годы становления, возмужания и старения прошли в этом городе. Вся моя реальная жизнь холостяцкая и семейная – в Ленинграде. Все года в Ленинграде я прожил вместе с Басей до самой ее смерти в октябре 1961 года.

Хочу здесь рассказать об отдельных интересных историях моей жизни в Ленинграде. Многие годы мы прожили с тётёй Басей на Невском проспекте д. 90-92.

Однажды, году в 1957-1958, я услышал по радио сообщение о том, что в Ленинградский торговый порт в один из ближайших дней (сообщили дату и время) прибывает морской лайнер с большой группой туристов из Франции. Желающим встретить туристов предоставили свободный проход к причалу. Я человек любознательный – решил участвовать во встрече туристов. Это произошло вечером одного из летних дней. На трамвае №28 я прибыл в порт в назначенное время. Ожидание было недолгим, вскоре на рейде показался большой корабль. При его приближении встречающие слышали звуки оркестра, исполнявшего гимн Франции – Марсельезу, туристам пели эту песню, было очень трогательно.

Корабль причалил, и туристы сошли на берег, чтобы отправиться в город. Я пошел к тому же трамваю №28, шедшему в город. Трамвай полностью заполнился туристами, я среди них. Возле меня оказался молодой француз, примерно моего возраста – около 30 лет. Симпатичный мужчина, я увидел в нем еврейские черты, обратился к нему на идиш, не еврей ли он. Он радостно подтвердил свое еврейство, и мы стали с ним беседовать на ломаном идише и понимали друг друга. Его звали Леон Центнер, он женат и проживает в Париже. Мы обменялись адресами и вскоре я получил от Леона письмо (на французском) и бандероль – иллюстрированную книгу «Париж». Мы несколько лет переписывались с Леоном.

В одном из писем он спросил не возражаю ли я, если в Ленинград приедет его друг и захочет встретиться со мной. Я ответил, что буду рад этому. И вскоре, году в 1958 в Ленинград приехал его друг Самуил Шиф с женой Алис. Очень интересный человек. Когда-то жил в Петербурге на Загородном проспекте возле переулка Ильича (советское название). Он мне представился по имени Муля. Так я его и называл. Он был совладельцем рекламной кинофирмы. Обаятельный человек. Муля пригласил меня к себе в Париж. Но в советские годы это было трудно осуществить. Это усложнялось еще тем, что я имел допуск к секретной работе. Муля Шиф неоднократно приезжал в Ленинград. Он очень любил наш город. Мы с ним постоянно переписывались. Писал он на русском языке довольно прилично. Он рассказывал мне о своей личной жизни. Он родился до 1917 года в России в одной из бывших прибалтийских республик. В 20-х годах 20-го века он переехал в Париж, получил там образование, стал предпринимателем, но всегда помнил о России и постоянно ее посещал. Он рассказывал мне о посещении Израиля, восторгался этой страной. Муля постоянно приглашал меня в Париж. В светское время осуществить такую поездку было очень трудно. С приходом к власти М.С. Горбачева появилась возможность осуществить эту поездку. Муля прислал мне официальное приглашение. К этому времени я уже был женат и моей дочери Асе было уже 26 лет, поэтому Муля по моей просьбе прислал приглашение и на Асю. Настало время осуществить мою давнюю мечту и в начале апреля 1990 года мы с Асей прибыли в Париж по железной дороге на главный железнодорожный вокзал. На вокзале нас встретили Муля с женой Алис. На его машине мы отправились в их собственный дом в Венсене в районе Венсенского леса, недалеко от станции метро. Дом очень уютный, красивый, кирпичный, двухэтажный. Нам предоставили отдельную комнату

на втором этаже, с туалетом и душем. К дому примыкает небольшой дворик, украшенный скульптурами и другими украшениями. Алис устраивала нам праздничные обеды, обильные завтраки с большим количеством разных сыров и колбас. На своей машине с нами провели большую экскурсию по городу, дважды посещали ресторан, посетили семью дочери Мули и Алис в ее роскошном собственном доме. Была у нас и встреча с Леоном Центнером и его женой в ресторане. В общем нам оказали сердечный прием. Мы пробыли в Париже 10 дней, а на обратном пути домой сделали остановку в Западном Берлине, где уже несколько лет жил мой друг детства Илья Песин с женой Цылей и двумя детьми – Владимиром и Инной. В те дни у них гостили моя двоюродная сестра Софа с мужем Левой.

А в июле 1979 года мы с Гулей и Асей отдыхали в Болгарии. До этого в 1957 году я впервые был за границей в Венгрии, а в 1970 году я побывал в ГДР (Германской Демократической Республике).

Я очень долго не решался жениться. Бася подыскивала мне невест, но безуспешно.

Случались со мной в юные годы и позднее влюбленности. Во время учебы в техникуме в Ленинграде я влюбился в девочку с другого факультета. Она мне очень понравилась. Звали ее Галя Фридендер, мне в ту пору было 20 лет, ей – 21. Мне казалось, что я ей нравлюсь меньше. Мы с ней даже в театре им. Пушкина вместе побывали. Спустя десятки лет, уже находясь в эмиграции, я сумел разыскать по интернету адрес этой «девочки» в Ленинграде. Это произошло спустя около 65 лет. Мы обменялись письмами, общались по телефону. А в один из приездов в Ленинград году примерно в 2010 мы встретились у нее дома. Оказалась бодрая старушка 85 лет. Вспоминали нашу молодость. Как это было давно! Были и другие влюбленности, давным-давно забытые. Со мной в управлении дороги в годы моей комсомольской молодости у меня появился друг – Гриша Астановский. Он окончил юридический факультет Ленгосуниверситета и работал у нас юрисконсультантом в юридическом отделе с 1953 года. В последствии он защитил кандидатскую диссертацию и стал начальником юридического отдела. Пишу я о нем потому, что благодаря ему я познакомился с моей Гулечкой. А дело было так.

В апреле 1957 года Гриша поинтересовался как я собираюсь праздновать день 1 мая в этом году (1957-ом).

В советские годы было принято среди молодежи отмечать праздник 1 мая, 7 ноября (Годовщина октябрьской Революции 1917 года), и Новый год в молодежных компаниях у кого-нибудь дома, где позволяла площадь квартиры. Гриша Астановский рассказал мне, что его двоюродная сестра приглашала его отпраздновать праздник 1 мая 1957г. В компании ее подружек-студенток зубоучебного училища. Она попросила его привести с собой приличных молодых людей. Я согласился и привел с собой Илью Каплина и Илью Столпнера – моих друзей детства. Эту встречу организовала однокурсница девочек, Мира Чуревич. Мира с мамой Анной Львовной жила в огромной комнате в большой коммунальной квартире на ул. Плеханова вблизи Литейного проспекта. Нас там собралось человек 12. Из девочек помню Миру Чуревич, Марину Кацнельсон, Фиру Пармут, Зою Черненко, сестру Гриши (забыл имя) и др.

Было там и весело и вкусно. Анна Львовна очень вкусно готовила. Она в последствии была к нам очень гостеприимна. Мы в этом доме стали часто бывать и встречаться со студентками – будущими зубными врачами, проводили там застолья. В один прекрасный вечер осенью 1958г. В квартире Миры Гуревич я увидел яркую красивую девочку в



шикарной ондатровой шубке. Звали эту девочку Галя по фамилии Гуля. Это была она – моя Гулечка.

После первой встречи 1 мая 1957г. завязалась любовная интрига у Илюши Каплана с Мирой Гуревич, и они вскоре поженились. Правда, этот брак был коротким – немногим больше одного года. С Ильей Капланом мы дружили все послевоенные годы. Он был необыкновенный человек. Был очень начитан, любил и постоянно коллекционировал книги, имел большую библиотеку, очень много знал. Был атлетического роста и силы. С ним случилась большая беда. В 1948г. Он поступил в военное училище, был успешным курсантом. Очень дружил с каким-то мальчиком – курсантом, иногородним. Илюша часто приглашал его домой, они постоянно общались. И этот его «друг» сделал на него донос в КГБ о том, что Илья читает запрещенные книги Трощкого, о его антисоветских высказываниях и др.

Илюшу вскоре арестовали. Приговор был суров – ему назначили 10 лет лагерей. Его сослали на крайний Север в лагерь с очень тяжелыми условиями. Он выжил благодаря своей личной силе и здоровью. Его освободили досрочно после смерти Сталина в 1955 году. С его возвращением наша дружба восстановилась. В 1960 году он женился на Тане Лисицыной. В октябре 1967г. у них родилась дочь Аллочка, которая в настоящее время живет в Израиле. Она замужем, у нее две взрослые дочери. Илюша умер от сердечного приступа в сентябре 1985 года. Его вдова Таня живет в Ленинграде, ей 88 лет.

Продолжаю далее о нас с Гулей.

Прошло какое-то время, и мы начали с Гулечкой встречаться, это началось в 1961 году. В мае 1961г. я был в командировке в гор. Великие Луки. Оттуда я впервые поздравил Гулечку с ее днем рождения 17 мая, послав ей поздравительную телеграмму с ее 23-летием.

Гулечка родилась в г. Себеже Псковской области 17 мая 1938 года. в семье офицера советской Армии Гули Андрея Васильевича и мамы Лобач Зинаиды Ивановны. В Себеже они жили на Заковой горе в собственном доме дедушки Лобача Ивана Степановича и бабушки Лобач Марии Францевны. Андрей Васильевич погиб в жестоких кровопролитных боях подо Ржевом в ноябре 1942г. Он погиб в звании майора. Дедушка работал в Себеже начальником почты и похоронен на местном кладбище.

Гулечка послевоенное детство прожила в Себеже с бабушкой и мамой, окончила школу в 1956г. и поступила в Ленинградское зубоврачебное училище, после окончания которого работала зубным врачом в санчасти воинского подразделения в гор. Пушкине. В этом городе жила подруга Гули Фира Пурмут с родителями.

Пик наших с Гулечкой отношений приходится на 1961-1962 г.

В октябре 1961 года неожиданно умерла наша дорогая тётя Бася. Мы похоронили её в Ленинграде на еврейском кладбище. Поставили гранитный памятник. С этого времени я стал жить один в квартире в пер. Антоненко, дом 4, у Исаакиевской площади. Сюда мы с Басей переехали с Невского проспекта примерно в 1959 году. Это была большая коммунальная квартира. В ней жили 7 семей с общим числом жильцов в 22 человека. При этом был один туалет и одна небольшая ванная комната без горячей воды. Мне неуютно было жить одному. Надо было решать семейный вопрос. Примерно в марте-апреле 1963 года Гулечка мне доверительно сообщила, что она беременна. Я поделился этой новостью с сестрой Хаей: «Почему же ты до сих пор не женишься?» спросила она. И я пошёл к Галиной маме и попросил руки её дочери. Мне не отказали. 10 мая 1963 года в ЗАГСе у

Пяти углов на Загородном проспекте в присутствии Ильи Столпнера мы с Гулечкой зарегистрировали свой брак. Вечером этого же дня состоялся наш праздничный ужин в моём доме на Антоненко. В гостях у нас были с моей стороны: Хая с мужем Зямой, Игорь, Столпнер Илья; со стороны Гули: мама Зинаида Ивановна, бабушка Мария Францевна, подруга мамы, Лидия Ивановна, подруга Гули Фира Пармут – всего 10 человек. На следующий день мы с Гулечкой отправились в свадебное путешествие в Сочи. В Сочи нам повезло – устроились в гостинице «Кубань», вблизи от моря. В Сочи 17 мая 1963 года мы с Гулечкой отпраздновали её 25-ый день рождения. После двухнедельного счастливого пребывания в Сочи мы на теплоходе «Россия» отправились в Севастополь. На пристани в Севастополе нас встречали Сёма и Галя с Илюшей, а также гостившие там наш папа с его женой Маней. Встреча была радостной и незабываемой.

Так началась наша счастливая долголетняя семейная жизнь. Наступило время тревожного ожидания увеличения нашей семьи. В октябре 1963 года я находился в командировке в Москве в Министерстве Путей Сообщения. Вернувшись в Ленинград 17 октября и придя домой я не обнаружил там моей Гулечки. На столе лежала книга «Мать и дитя», открытая на странице, где сообщалось о родовых признаках. Соседи мне сообщили что у Галочки начались родовые схватки, и они вызвали скорую медицинскую помощь и Гулечку отвезли в дежурный роддом на проспекте Стачек. Это обычный родильный дом в рабочем районе, совсем не престижный. Роды оказались сложными. Но на наше счастье в этот день там дежурил очень опытный и известный доктор-акушер (мужчина). Он успешно принял роды и на свет появилась наша любимая доченька Асенька весом 3 950 гр. при росте 51 см. Мы были счастливы.

Начались трудные беспокойные дни. Нам очень помогла Гулина мама Зинаида Ивановна. Очень помогали наши соседки – спасибо всем большое. Но больше всех досталось, конечно, Гулечке. Пришлось пережить многое: бессонные ночи, разные заболевания – то ушки, то животик, то неизвестно что. В первый год жизни ребенок заболел тяжёлым двухсторонним воспалением лёгких. Нам очень помогли врачи нашей железнодорожной поликлиники и больницы им. Дзержинского. Самая большая благодарность зав. детским отделением больницы им. Дзержинского Кумец Галине Георгиевне. Это замечательный детский врач, специалист высшей категории. Она буквально спасла Асюту, а впоследствии и нашего внука Маркушу в его 4-х-летнем возрасте. Оказалось, что Галина Георгиевна живёт в нашем доме, мы подружились с её семьёй на много лет. Благодаря своему приличному служебному положению я и моя семья постоянно испытывали повышенное внимание и обслуживание от нашей ведомственной медицины. Между тем, время шло, Асенька росла. На втором году жизни мы отдали её в детские ясли при железнодорожном институте на Московском проспекте, потом она пошла в детский садик возле Парка Победы (тоже железнодорожный), посещала она и садик круглосуточный в Детском Селе (город Пушкин).

И как потомственная железнодорожница она получила высшее образование в институте путей сообщения в Ленинграде.

Первые четыре года жизни Асенки мы прожили в коммунальной квартире в переулке Антоненко. Нам там жилось неплохо. Мы были дружны со всеми соседями, особенно с Михайловыми. Нина Михайлова была известным ученым-психиатром, кандидатом медицинских наук. Ее мама, Мария Николаевна, из старинной интеллигентной семьи, потомственная петербурженка. Мы дружили с ними до их кончины – Нины в марте 1996 г. и ее мамы в – 1994 г.

Мы всегда стремились организовать интересный летний отдых Асюты: в ее возрасте 2-3х лет мы снимали дачу в Мельничном ручье. Летом 1965 года я свозил Асюту в Жлобин. К тому времени папа получил от городских властей комнату на 4-ом этаже в 3-х комнатной квартире без туалета, без ванной комнаты. Во дворе дома была общая уборная для всего многоквартирного дома.

Я рад, что папа успел познакомиться со своей самой маленькой внучкой, так как вскоре он умер. Это случилось 22 февраля 1967 года, было ему около 75 лет. В то время (лето 1965г) в Жлобине проводил отпуск мой брат Игорь. Он помогал мне справиться с Асенькой – вместе гуляли, посещали родственников. Мы любили быть в доме тети Райхи, папиной сестры. У нее в то время жили ее внуки Фима и Виля (дети моей двоюродной сестры Софы). Мальчики трогательно ухаживали за Асютой.

В 1968 году мы с Гулей и Асей провели свой летний отпуск в Севастополе у Гали и Семы в Херсонесе. Это был сказочный отпуск.

В 1970 году мы открыли для себя озеро Селигер – исток Волги. Мой добрый знакомый – главный инженер Ржевского отделения Октябрьской ж/д Семен Алексеевич Петроченко предложил мне отдохнуть на озере Селигер в районе города Осташкова. На одном из островов Селигера у железнодорожников был построен большой двухквартирный дом. Нам предоставили одну из квартир с кухней, холодильником, постельными принадлежностями. Райское место, сказочно красиво, кругом лес и водная гладь. В нашем распоряжении лодка. На вокзале в Осташкове, куда мы приехали поездом ранним утром нас встретил местный начальник дистанции пути Николай Николаевич Соколов. На катере на подводных крыльях он доставил нас на наш остров. Там был очень хороший пляж. На лодке мы имели возможность посещать самые интересные места озера Селигер. В наших местах в довоенные годы отдыхала балерина Галина Уланова. Нам привозили хорошую рыбу, в том числе живого угря. На Селигере мы отдыхали несколько раз. Однажды я устроил на отдых семью Семы и Гали.

С комсомольских лет я был знаком с Черняковой Галиной Михайловной (в девичестве Сосенкова). В свое время она была комсомольским секретарем в пед. Институте им. Герцена. Позднее работала у нас в Куйбышевском райкоме Комсомола инструктором, секретарем райкома Комсомола. Работала также секретарем Ленинградского горкома Комсомола. После ухода с комсомольской работы Г.М. Чернякова стала директором Дворца Пионеров Им. Жданова. Она проработала директором Дворца много десятилетий до ухода на пенсию. Все эти годы я был очень дружен с Галиной Михайловной. И не случайно все Асино детство связано с Ленинградским Дворцом Пионеров. Она занималась в кружках балетных танцев.

Дворец построил уникальный пионерский лагерь «Зеркальный» на Карельском перешейке. С помощью Гали Черняковой Ася несколько раз отдыхала в этом лагере. У нее там завязалась долгая дружба с детьми из Дворца Пионеров.

В 1979 году мы всей семьей отдыхали в Болгарии. Это был наш первый семейный отдых за границей. Мы вообще много путешествовали. Отдыхали в Крыму (в Севастополе и Ялте), на Кавказе (в Сочи, Новом Афоне, в Сухуми, Агудзере), были на экскурсиях в Таллине, Москве, Риге, отдыхали в Киеве.

Важным событием в нашей жизни стало строительство собственной дачи. В 1978 году мне удалось получить участок земли, который выделил Леноблисполком Гатчинский дистанции пути вблизи станции Прибыtkово перед Сиверской. Мы получили свои 6 соток.

У нас свободных денег не было. Помогло государство – банк дал беспроцентный кредит в сумме 3000 руб. на приемлемый срок. С помощью моих железнодорожников мне удалось купить конструкции сборного деревянного дачного домика за 1000руб. Его привезли с Севера со станции Кемь. Это были деревянные щиты, представлявшие рамы из доски 40мм с поверхностью из дощечки - вагонка толщиной 12мм. Это слишком тонкая дощечка. Стены надо было усиливать и утеплять. Мой приятель, начальник дистанции гражданских сооружений, выделил мне бригаду плотников. Они собрали мой дом за несколько дней, изменив купленную конструкцию надстройкой второго этажа. Я заранее купил дополнительные доски и балки. Еще один мой приятель изготовил мне в своих мастерских лестницу на второй этаж.

Вот примерно такой фасад дома с улицы. Внешне он так выглядел. За эту сборку я отдал 1000 руб. Далее я сам своими руками достроил дом.

Я достал около 30 плит пенопласта размером 120x120 см. толщиной 5см. Сначала я обил все плоскости стен толем (толь – пропитанный специальным составом рулонный картон). Затем закрепил для теплоизоляции пластины пенопласта. Сверху еще слой толя. Сверху прибил плотно друг к другу дощечки. Эту поверхность я покрыл новой вагонкой толщиной 15 мм. Снаружи я дополнительно покрыл стены толем. А затем все поверхности стен были покрыты новой хорошей вагонкой. Затем я покрасил наружную поверхность стен масляной краской. Первоначально дом был выкрашен в зеленый цвет. На следующий год я перекрасил дом в ярко желтый цвет. Вид стал привлекательней. Площадь дома в плане – 29 кв.м. Внизу, в первом этаже прихожая с лестницей на второй этаж, небольшая кухня с печкой – плиткой. Внизу также две жилые комнаты. На втором этаже спальня с большим окном.

Со стороны двора пристроена веранда со входом в дом. Пол на веранде и на втором этаже, а также обивку стен на веранде я тоже выполнил своими руками. Мне помогали в строительстве Нолик Рапопорт, Илюша Левин, Сеня Гринберг (муж Леночки), Илья Столпнер.

На участке мы построили стеклянную теплицу, установили старый вагон на колесах. Мне его привезли мои приятели из Новгорода. Этот вагон использовался как сарай, там стояла газовая плита. Мой приятель из Пскова привез и посадил грядки клубники, первый урожай который составил около 50 кг. В последующие годы таких урожаев больше не было. На даче мы прожили в течение 15 лет. Там у нас перебивало много друзей и родных. Это было замечательное время.

До строительства дачи мы в течении более 10 лет летом снимали дачу в Луге на ул. Шлиссельбургской у Александровых Марии Никитичны и Николая Матвеевича. Это были чудесные люди. Мы с ними просто породнились. Постоянно навещали их в любое время года. К сожалению, и Мария Никитична и Николай Матвеевич умерли. У них остался сын Анатолий, он живет в Москве, а их внучка Людмила с мужем и сыном живут в Ленинграде. Много добрых людей сопровождали нас в нашей жизни.

Очень важным событием в нашей жизни стало полученная нами первой в нашей жизни отдельной квартиры. Было затрачено много усилий и терпения на получение квартиры. Я сумел этого добиться. Все-таки я был не последним работником в управлении Октябрьской жел. дороги. Я имел определенные заслуги. Квартиру мы получили в феврале 1967 года. Это был 9-этажный кирпичный дом на улице Звездной 14, кв. 198, на четверном этаже площадью 45 кв.м. К сожалению, пол был из пластиковой плитки. Пришлось

использовать свое служебное положение и уложить паркетный пол на всей площади за свой счет. Из этой квартиры Асенька пошла в 1-ый класс 362 Средней школы Московского района. Отсюда она пошла в институт 1 сентября 1981 года, который успешно окончила в 1986 году.

14 июля 1984 г. Асюта вышла замуж за Александра Павловича Файна и надолго впервые ушла из нашего дома. И стала жить с Сашей в семье Файнов в квартире на ул. Шамшева на Петроградской стороне Ленинграда.

29 апреля 1987 года Асенька родила всем на радость нашего необыкновенного внука Маркушу, который радуется нам постоянно с каждым днем своего существования. Марк успешно окончил школу в Берлине. Там же он успешно закончил институт, стал психологом, как его отец. Марк состоит на государственной службе и работает в Югендамте.

Хочу подчеркнуть, что наш внук Марк достиг всех успехов собственными силами, своим трудолюбием, без помощи репетиторов. В какой-то степени ему помогала Ася по русскому языку и другим вопросам.

Вернусь к нашей жизни в Ленинграде. Мы прожили вместе с Гулечкой много долгих интересных лет. Мы много общались с нашими близкими друзьями: Аней и Ноликом Рапопорт, Ларисой и Ильей Столпнер, Илья и Таня (Илья Каплан), Изей и Кирой Марковичи, Фирочкой Пармут, Галей Парадовской с Аликом, Ниной Львовной и Эдиком, Семой и Майей Флейшер и многими другими друзьями по работе. Я не называю всех наших близких родственников – с ними связи были самые душевные и постоянные.

Вместе мы были всегда, все семейные и личные праздники отмечали вместе.

Нолики уехали в Израиль в начале 90-х годов, оставив отличную квартиру на Васильевском острове и не получили за нее ни копейки. Очень честные. Другие отъезжающие смогли продать свои квартиры за приличные деньги. Нолики в Израиле быстро ассимилировались. Нолик успешно работал по своей специальности в строительстве. Они купили очень хорошие квартиры себе и дочери Рене с сыном Давидом. Я очень благодарен Ане и Нолику за их внимательное отношение к моей племяннице Леночке. Нолики очень гостеприимны, мы всегда рады друг другу при наших посещениях Израиля.

Нолики всегда помогут, поддержат. Спасибо вам, Анечка и Нолик! Кстати, наш друг Илья Столпнер в свое время осудил Нолика за эмиграцию. А через несколько лет сам принял решение уехать в Германию. О своем решении он нам долго не рассказывал, сообщив об этом лишь за несколько недель до отъезда.

О намерении эмигрировать он никому не рассказывал, даже родной сестре Лизе и близким родственникам. Я ему своей обиды не высказал, простил. Примерно в начале 1994 года мать нашего зятя Саши Файна – Раиса Марковна Файн записалась в очередь на прием в Германское консульство в Ленинграде по поводу эмиграции, и записала нас всех в эту очередь. В назначенное время мы попали туда на прием и вскоре подали необходимые документы. После подачи документов на эмиграцию вопрос о предоставлении выездной визы решался в течение года. По правде говоря, у меня лично не было никакого желания эмигрировать. Инициативу проявила моя Гулечка. Столпнеры уехали в Германию в 1993 г. В конце 1994 г. Илья приехал в Ленинград и рассказал нам подробно об условиях проживания в Германии. Условия оказались достойными, и мы вскоре в этом убедились

сами. Со временем меня убедили в необходимости отъезда. Жизнь в Ленинграде усложнилась. Начались заметные антисемитские проявления. Нас они, к счастью, не коснулись. Но решение ехать было принято. Вскоре мы получили Из Германии документы, позволяющие нам прибыть к постоянному месту жительства в земле Hessen (район Франкфурта на Майне). Нам было предложено прибыть в Германию в поселение Бремталь (Bremthal) вблизи города Висбаден (*Wiesbaden*). 2 октября 1995 года мы самолетом прибыли в аэропорт Франкфурт на Майне. Там нас встретили Оля Столпнер со своим другом Андреем (немец из Казахстана). Они приехали на двух машинах и доставили нас в общежитие поселения Бремталь. Это старинный немецкий городок. Нам там предоставили две комнаты в общежитии, где уже жили беженцы из Курдистана и других стран Ближнего востока. Там была какая-то мебель, кровати с постельными принадлежностями, был холодильник. Вскоре нам выдали какие-то деньги, достаточные для приобретения продуктов питания.

В городе Висбадене жили Асины приятели Женя Расин с женой Наташей. Женя нам очень помог в поиске и получении квартиры. Уже в декабре 1995 года мы нашли квартиру в новом доме на улице Хохенштайфенштрассе. Очень красивая новая квартира на втором этаже. Ася с Марком получила квартиру в этом же доме на первом этаже. Марк, еще находясь в Бремтале, пошел во второй класс школы, не зная ни одного немецкого слова. В школе его приняли очень дружелюбно. Он очень быстро там освоился. Жизнь пошла своим чередом. Ася поначалу бралась за любую работу, включая труд уборщицы. Вскоре она поступила на курсы, после окончания которых ей удалось устроиться на работу в корейскую фирму под Франкфуртом. Это была хорошая работа. Ася проработала там около 10 лет. Работая там сумела успешно окончить местный университет и получила высшее экономическое образование. Молодец! Бог послал Асе отличного друга – Гришу Раймана из Молдавии. Он очень хороший и родственный парень. Ася с Гришей вместе уже около 20 лет. Мы с Гулей здесь, в Висбадене, с 2001 года переехали в другую квартиру, в Кларенголь. Это социальная квартира, 2-х комнатная, площадь 51 кв.м. Находится на опушке леса. У нас балкон и окна смотрят прямо в лес, ощущаем себя в курортных условиях. Вообще мы очень благодарны правительству Германии, что нам здесь предоставили достойные условия жизни. Я по инвалидности получаю пожизненно карточку для бесплатного проезда всеми видами транспорта по всей Германии. Нас обслуживает сервис – компания по уборке квартиры два раза в неделю постоянно. Нам предоставляют один раз в неделю автомашину для закупок. При необходимости к врачам нас сопровождает переводчица, поскольку мы достаточно не овладели немецким языком.

Здесь мы привлечены к религиозной еврейской жизни. Регулярно по субботам посещаю богослужение в синагоге.

Есть у нас друзья, с которыми общаемся, отмечаем общие праздники.

В Берлине живет наш земляк Иосиф Фодыманов с женой Маней и сыном. Иосиф – друг моего брата Семы с довоенных пор, а теперь и мой друг. Иосифу уже 92 года. А я его догоняю. Наш внук Марк постоянно проживает в Берлине, он снимает 2-х комнатную квартиру. Там же в Берлине, в своей квартире живет отец Марка Саша Файн и в другой – его бабушка Рая Файн. Марк периодически приезжает к нам в Висбаден. В квартире у Аси Марку отведена отличная комната.

Нынешним летом 2016 г. мы отдохали вместе с Марком и его девушкой на Майорке.

Я прожил долгую счастливую жизнь. В будущем 2017 году, Бог даст, отмечу 90 – летний юбилей, надеюсь на это. Можно сказать, что жизнь удалась. В течение жизни нам пришлось пережить случавшиеся трудности, болезни. Я перенес несколько тяжелых операций, включая онкологические (1990 год мочевого пузыря в Ленинграде), аденома простаты в 1998г. в Висбадене, два года назад мне поставили стенты на сердце. Я достиг своего долголетия благодаря большой заботе обо мне моей семьи – Асюты с Гришей и Маркушей, и особенно, моей жены Гулечки. Гуля мой главный человек в моей долгой жизни – преданный друг, товарищ, советник и любимая женщина. Бог наградил ее светлым разумом, умелой во всем, с золотыми руками и добрым сердцем. Она отлично владела своей профессией, была очень хорошим зубным врачом, пользовалась большим авторитетом в медицинской среде. Мы всю жизнь постоянно вместе, никогда не разлучались. Мы не можем друг без друга. В 2013 году мы отметили свои большие праздники – свою золотую свадьбу, совпавшую с 75-летним юбилеем Гулечки.

Мы отпраздновали свои юбилей в середине мая 2013 года. На Святой Земле – в Израильском городе Ашдоде. Там собрались все наши оставшиеся родные и друзья, всего около 40 человек. Мой племянник Илюша сделал видеофильм об этом событии и выложил его в интернете. Можно посмотреть его на сайте «Юбилей Фимы и Гули в Ашдоде». Это событие незабываемо.

Я заканчиваю свои воспоминания. Перечитав написанное, обнаружил некоторые повторы, неточности, упущения, пропуски отдельных событий. Я работа над этим материалом немало – в течение двух лет. Я мог бы сделать эти записи полнее, но переделывать написанное нет ни сил, ни времени. Я очень сожалею, что никто из моих братьев и сестер не оставил никаких воспоминаний, кратких записей, рассказов. Вот я и решил это сделать, больше уже некому... Не судите строго, мои дорогие потомки. Вы имеете возможность дополнить мои воспоминания своими.

Сделайте это, не ленитесь!

Фима Левин

17 августа 2016 года

Висбаден, Германия

*Wiesbaden, Deutschland*